

Владислав



Выставной

# Считалочка для бомбы



Таинственная Игра в Волшебном городе Москва  
продолжается! Пора бы озвучить Правила...

**Владислав Валерьевич Выставной**  
**Считалочка для бомбы**  
Серия «Волшебный  
полигон Москва», книга 2

*[http://www.litres.ru/pages/biblio\\_book/?art=162913](http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=162913)*

*Считалочка для бомбы: «Издательство АЛЬФА-КНИГА»; М.; 2008  
ISBN 978-5-9922-0018-8*

**Аннотация**

Новая смешная, загадочная и немного страшная история, произошедшая в Волшебном городе Москва. Таинственная Игра продолжается, и Правил для нее по-прежнему не придумано. Может, потому, что могущественный Магистр Правил слишком занят? Или его отвлекают от своих обязанностей силы зла? А может, потому, что Магистру всего шесть лет от роду? А ведь над Волшебной Москвой уже нависло зловещее черное солнце. Самое время для темных сил взять реванш!

# Содержание

ПРОЛОГ	4
Часть первая	11
–1–	11
–2–	29
–3–	47
–4–	61
–5–	70
–6–	86
–7–	105
Часть вторая	117
–1–	117
–2–	128
Конец ознакомительного фрагмента.	137

# Владислав Выставной

## Считалочка для бомбы

*Позволю себе заметить, что не всегда главный герой должен быть непременно ярким, наделенным выдающимися качествами, быть необычайно эмоциональным, душещипательно несчастным, неистово честолобивым или напротив – желчно самокритичным.*

*Более того (прошу, не бейте!) – не всегда главный герой вообще должен выглядеть главным.*

*Ну, и, наконец, самое крамольное: не всегда главный герой должен вызывать большее сопереживание читателя, чем персонажи, которых почему-то принято считать второстепенными. Ведь может же так случиться, что главного героя попросту скрывают могучие плечи этих самых второстепенных персонажей?*

*«Как же это так?! – возмутитесь вы. – Так ведь не принято!»*

*«А вот, надо же, – представьте себе!» – воскликну я и разведу руками.*

## ПРОЛОГ

*В темном пустынном зале, за столом на высоком стуле со странной резьбой на спинке, поджав под себя ноги, сидел мальчик. Маленький, лет шести. Глядя на него, могло*

показаться, что ему, должно быть, очень неудобно сидеть вот так, скрючившись, склонившись над плоской матовой поверхностью.

Но он не обращал внимания на неудобство. Он был увлечен игрой. Перед ним на столе были рассыпаны разноцветные камешки: красный, синий, зеленый, желтый и белый. Камешки были непростые: они вроде бы даже светились изнутри.

Но дело было не только в этом чарующем свете. Камни имели удивительное свойство притягивать к себе. Они завораживали, делая игру с ними захватывающей и осмысленной.

Мальчик брал камень, подбрасывал его, ловил, снова клал со стуком на поверхность стола. Внимательно осматривал. Снова брал, смотрел на него, перекатывая между пальцами, и тихо приговаривал:

Взял я камень-самоцвет,  
И сказал ему: «Привет!»...  
Если камень кто возьмет —  
Сразу камень оживет...

Казалось, это занятие никогда ему не надоест. Как и эта считалочка, с помощью которой он выбирал новый камень — и снова совершал с ним какие-то, казалось, бессмысленные пассы.

Камень твердый, как алмаз,  
Смотрит, будто чей-то глаз.  
Ты дружи с ним, не шутя —  
Знает все он про тебя.

*Наверное, мальчика следовало остановить. Прервать эту странную игру. Мало ли на свете других, более веселых, игр?*

Ты про камешки забудь,  
Ты отправь их в долгий путь.  
Все равно назад придут —  
Угадай: что принесут?

*Но кто мог знать о том, что камни эти — не просто камни, а считалочка — не просто считалочка?*

*Конечно, можно было бы догадаться, что считалочка эта непроста — она отсчитывает время. Но до чего можно отсчитывать время, если не до взрыва.*

*И тогда нужно было бы ответить еще на один вопрос: что же тогда — бомба?*

К этой вылазке Костя готовился, как к самому важному делу своей жизни. Готовился основательно, тщательно просчитывая возможные варианты развития событий, серьезно продумывая каждую вещь, которую стоило взять с собой, или же, напротив — без чего можно было бы обойтись. Все

вещи должны были поместиться в небольшом крепком рюкзаке, удобно и плотно вливающимся в изгиб спины – мало ли, может, ему придется улепетывать со всех ног от неизвестной пока опасности.

Одевался он так же продуманно и максимально удобно. Неяркая куртка, легко превращающаяся в жилет со множеством карманов, крепкие камуфляжные штаны, легкие и прочные ботинки.

Два ножа – мощный и страшный охотничий и маленькое швейцарское чудо с кучей лезвий – мечта малолетнего хулигана.

Фляга воды и таблетки для обеззараживания – если придется пить грязную воду из незнакомых источников.

Армейский сухпак на пару дней – больше тащить на себе нельзя.

Маленькая, но внушительная по эффективности аптечка.  
Моток крепкой веревки.

Маленький сотовый телефон и универсальная радиостанция – самые сомнительные по эффективности вещи в его предприятии.

Ну а еще пару килограммов веса его груза занимали специальные приспособления, наличие которых опытному сотруднику «органов» сразу бы сказало многое об их владельце.

Костя был профессиональным вором.

И вором на редкость удачливым: ведь ему удалось так до

сих пор и не побывать за решеткой. Надо сказать, Костя к этому и не стремился. Он не был любителем уголовной романтики или убежденным сторонником преступного образа жизни. Более того – все это было ему чуждо.

Он был просто мастером своего «дела». Специалистом, который по странному стечению судьбы неожиданно-негаданно попал на эту скользкую дорожку.

И то, что он шел сейчас на совершенно безнадежное и, возможно, смертельно опасное дело, он объяснял себе только так: «дело» это последнее в его воровской карьере. Такое дело, которое обещает возможность порвать с прежними связями и начать совершенно новую жизнь.

Но здесь он, все-таки, врал самому себе: ни за что он не отправился туда, возможно, в гости к самому дьяволу, если бы его не поставили в такие условия, когда принятие решения уже не зависело от него самого. Ведь, как ни крути, когда ты вступаешь в подобные игры, из них очень тяжело выйти, не замаравшись по самые уши. И по крайней мере – выйти живым и здоровым. И кончается все тем, что на кону оказываются жизни – твоя и твоих близких.

Так что, у Кости просто не было выбора.

Однако у него оставалось кое-что такое, что предавало предстоящему более яркую и жизнеутверждающую окраску, чем серо-бурый цвет уркаганно-барачного мира.

Несмотря на то, что он готовился, по сути, к очередному преступлению, ощущал он себя отнюдь не преступником,



нет. Если бы он выдал свои тайные мысли знакомым банди-там, они бы его просто не поняли. Или сочли идиотом.

Ведь Костя видел себя не кем-нибудь, а... стакером. Сталкером из фильма Тарковского, который направляется в смертельную Зону в поисках чудесных и удивительных вещей. Он настолько свикся с этой мыслью, что его совесть, вяло сопротивлявшаяся поначалу предстоящей работе, удивленно ойкнула, наконец, и замолчала.

Наверное, мысль о том, что он – будто бы сродни такому полумистическому персонажу, стала просто защитной реакцией психики. Ведь из Зоны сталкеры все-таки возвращались – с пустыми или полными руками. И это давало надежду.

А вот возвращение из того места, куда отправлялся Костя, было очень и очень сомнительным. Лично он не знал ни одного человека, сознательно отправившимся ТУДА и благополучно вернувшимся обратно.

И это пугало.

Правда, рассказывали, что по периметру того места время от времени находят людей, непонятным образом попавших оттуда на ЭТУ сторону. Но получить толковых объяснений у нервных полусумасшедших людей не получалось. Во всяком случае, у простых обывателей. Ведь вскоре после «чудесного возвращения» «счастливчики» попадали в лапы мрачных типов в штатском из военной контрразведки, которые и увозили их в сторону Питера – новой столицы пре-

бывающей в смятении страны. Там, видимо, счастливчики быстро разочаровывались в своем мимолетном счастье и становились несколько разговорчивее. Иначе Костя не был бы снабжен кое-какой информацией по предстоящему делу.

Правда, информация эта напоминала больше бред пересурдствовавшего любителя кокаиновых дорожек, чем достоверные сведения. Потому Костя не очень-то полагался на эти рассказы. Он полагался на собственный опыт, интуицию и везение, которые до сих пор его не подводили.

Итак, он шел в мистическую зону, официально именуемую Локализацией.

Стоп.

В другое время он просто посмеялся бы над собственными словами! Ведь это было действительно смешно! Ведь он собирался посетить не зловещую Чернобыльскую станцию, ни жадное отравленное болото, ни полные болезнями джунгли.

Он просто отправлялся в Москву.

# Часть первая

## ОДНА ГОЛОВА – ХОРОШО...

### –1-

Яркое солнце отчаянно щипало глаза – не помогало даже темное, почти черное стеклышко от старой сварочной маски. Но уж очень хотелось посмотреть на самое настоящее солнечное затмение.

И хотелось этого не одному только Теме.

– Все, отдай! – нетерпеливо потребовал толстый Боря, годом постарше Темы.

Он жил с родителями-неандертальцами в страшноватой на вид пятиэтажной пещере, которую все почему-то называли «хрущевкой». Наверное, из-за того, что вокруг нее везде валялись обглоданные хрущи... Или хрящи? Вообще-то, он был не злой, но в компании с Кирей...

– Нет, мне! – заявил Киря, драчливый и наглый мальчишка из соседнего двора, того самого, где девятиэтажка покрылась лианами и большими зелеными листьями, а на крыше жили орлы, и лежали вечные снега.

Теме ничего не оставалось делать, как отдать с таким трудом добытое стеклышко сильнейшим. А ведь дядя Архи

учил его: нельзя показывать другим свою слабость. Надо отстаивать свою правоту до конца, даже если это будет стоить лишнего синяка.

Но эти двое были старше, сильнее, и где-то внутри появлялось неприятное чувство – будто все тело становится ваты, перестает починаться тебе, и руки сами отдают то, что требуют более от тебя сильные. Дядя Архи говорил, что это самое постыдное в мире чувство. И оно называется страх.

Тема и сам чувствовал стыд вперемешку с мелким, отвратительным страхом, страхом того, что стеклышко могут забрать силой, да еще дать тумачков в придачу; да еще того, что при этом надо будет обязательно дать сдачи – а на это тоже не хватит смелости; страхом того, что в конце всего этого с новой силой придет стыд собственного страха.

И теперь эти двое, по очереди выхватывая друг у друга из рук темное стекло, прищурившись, пялились на небо.

– Ну, и где? Где оно? – недовольно говорил Боря. – Наврал, небось, все...

– Ничего я не наврал, – обиженно возражал Тема. – Мне дядя сказал. А он никогда не ошибается.

Боря и Кирия расхохотались.

– А кто он у тебя, что такой умный? – грубо спросил Кирия.

– Архивариус, – гордо ответил Тема.

– Чего? – шмыгнув носом, переспросил Кирия. – Дурацкое имя какое-то.

– Точно, дурацкое, – подтвердил Боря.

– Сами вы!.. – сжав маленькие кулаки крикнул Тема и обмер от собственных слов.

Старшие мальчишки некоторое время выжидательно смотрели на него, словно надеясь на то, что этот сопляк полезет в драку. Но на большее, чем этот внезапный выкрик, Тема не решился. Наверное, Киря, все-таки, врезал бы ему – просто так, для острастки. Но тут Боря, глядя на солнце в стеклышко, воскликнул:

– Ух, ты... Ползет!

– Кто ползет? – встрепнулся Киря.

– Тень ползет, – зачарованно глядя вверх, сказал Боря.

– А, ну, дай! – потребовал Киря, и отобрал стеклышко у толстяка.

– А мне посмотреть? – робко попросил Тема.

Но его даже не удостоили ответом.

– А давайте посчитаемся! – осенило вдруг Тему. – Кому выпадет – тому и смотреть первому, а? Это будет по-честному! Давайте – я много считалочек знаю!

Ребята лишь презрительно фыркнули в ответ. Так они поочередно смотрели и смотрели на небо, а у Темы от обиды наворачивались на глаза слезы.

Быстро потемнело, завyli вдруг собаки и прочие твари, даже думать о которых было страшно, и наступила странный-престранный полуночь-полудень. Еще минута – и лунная тень начнет сползать с солнца, и все вернется на круги своя.

А Тема так и не доведется понаблюдать в стеклышко за этим редким зрелищем, которое столь красочно ему описывал дядя Архи. И потому Тема стал мрачен и зол.

– Ну? – произнес, наконец, Боря, которому надоело пялиться в стеклышко. – И когда же оно назад начнет вылазить?

– Да сейчас, вроде, и начнет, – неуверенно сказал Кирия и снова мельком взглянул на спрятавшееся солнце.

Прошло несколько минут. На небесах ничего не изменилось.

Боря зевнул. Кирия рассеянно – небрежно кинул стеклышко на асфальт.

– Надоело что-то, – сказал он. – Ерунда какая-то. Сколько можно зырить на это дурацкое пятно? Пойдем, погуляем, Борь...

– Пойдем, – снова зевнув, сказал толстяк. – Малой, ты с нами?

Тема ничего не ответил. Только отрицательно покачал головой и поднял с асфальта свое стеклышко.

– Как хочешь, – равнодушно бросил Кирия, и приятели удалились куда-то в сторону старой заброшенной стройки.

Тема поднял стеклышко и принялся смотреть через него на удивительное темное пятно, окаймленное по краям яркой солнечной короной. Теперь он мог любоваться этим, сколько угодно.

Но на душе от того уже не становилось веселее.

– Зачем ты это сделал? – строго спросил Архивариус и тут же вздохнул.

Действительно, такой тон в данной ситуации неуместен. Ведь мальчик и вправду не ведал, что творит...

Сам Тема стоял напротив, понутив голову с самым виноватым видом. Архивариус усмехнулся: он не питал иллюзий по поводу раскаяния этого шельмеца. Он-то прекрасно знал, что ни в чем тот не раскаивается, и совершенно уверен в собственной правоте. Да и как можно его упрекать в этом? Каждый из нас был когда-то беззащитным, но своенравным шестилетним мальцом.

Конечно, он не может дать сдачи старшим мальчишкам. Зато может многое другое. К счастью, совершенно от него не зависящее. Пока.

– Я не нарочно, – пробубнил Тема. – Так само получилось. Просто я не успел посмотреть и захотел, чтобы оно было подольше...

«Подольше!». Просто замечательно! Малышу захотелось просто растянуть удовольствие в рассматривании замечательного астрономического явления. И на свою беду он, Архивариус, сам этому содействовал! И вот они – плоды просвещения: совершенно непонятным, противоестественным образом солнечное затмение растянулось на самый неопределенный срок. И ладно, если бы это шло только на радость Теме, да кучке астрономов, что пялятся сейчас в небо пол-

нейшем недоумении и трансе.

Но есть еще одна сторона медали. Все знают, что солнечное затмение – это редкий момент, когда силы зла многократно увеличивают свою мощь. И обычно они терпеливо и с трепетом ожидают этих коротких мгновений, чтобы побыстрее повернуть свои темные делишки – сколько успеют за этот непродолжительный срок.

Но теперь... Теперь у зла времени предостаточно.

Архивариус поежился. У него появилось очень нехорошее предчувствие. Он с тревогой посмотрел на этого мальчишку, который, в общем-то, далеко не просто шестилетний сорванец.

Он – Магистр.

Конечно, он ничего толком не знает об этом. И упаси бог ему узнать о собственной силе раньше положенного срока!

И без того мальчонка уже начал догадываться, что во многом отличается от сверстников. Неудивительно, что его тянет к тем, кто постарше. Хотя, конечно, ничего хорошего из такой «дружбы» не может получиться. Ведь вряд ли у его приятелей есть такие наставники, как он, Архивариус Волшебной Москвы собственной персоной! И, конечно, же, можно задать себе вопрос: не слишком ли много внимания уделяется этому сопливному мальчишке? Но сегодняшнее происшествие – это последний аргумент в пользу того, что и ему, Архивариусу, уже не справиться с воспитанием будущего (а, по сути – уже и настоящего) Магистра.



Если и раньше случались разные удивительные вещи, невольно вызванные его дремлющей силой, то теперь все стало слишком серьезно...

– Тимофей, ты можешь... сделать, как было? – тихо спросил Архивариус.

– Что сделать? – не понял Тема.

– Ну, чтобы снова показалось солнце...

Тема беспомощно заморгал. Лицо его покрылось краской.

– Я... Я не знаю... Я не виноват... – захныкал мальчик. – Я не знаю, как так получилось...

– А как так получилось? – продолжал Архивариус. – Ну, расскажи, что ты сделал?

– Я ничего не делал! – уже вовсю рыдал Тема. – Я просто захотел посмотреть, чтобы и я успел, это чтобы подольше было...

– Ну, так захоти, чтобы «это» закончилось, – настаивал Архивариус, хотя понимал, что дело это – совершенно безнадежное.

Сам по себе усилием воли маленький Магистр ничего сверхъестественного совершить не мог. Таинственная сила дремала в нем, просыпаясь изредка под воздействием сильных эмоций и совершенно бессознательных проявлений.

Так, однажды ни с того, ни с сего, у него вдруг ожили и обрели душу игрушки. И не всякие – а только самые любимые. Это было здорово, потрясающе, хотя и не так уж удивительно в волшебном городе Москва. А тогда дети толпой ходили

за Темой, прося повторить этот же трюк со своими любимыми куклами и машинками. Но у Темы ничего не получилось. И дети решили, что все это дело рук каких-то посторонних «волшебников», а Тема – просто выдумщик и обманщик. И это был лишь один из моментов, ведущих малыша к отчуждению от нормального общения с другими детьми. А таких событий было множество...

Вот и сейчас заплаканный Тема смотрел в окно на страшное черное солнце и лишь бессильно хлопал глазами. Он ничего не мог поделать с тем, что совершил совершенно случайно, в порыве каких-то смешных детских желаний... И глядя на это зловещее, скрытое лунной тенью, солнце, он тихо бормотал:

Вышел месяц из тумана  
Вынул ножик из кармана  
Буду резать буду бить —  
Все равно тебе водить!

Позади мальчика, в центре большой комнаты, стены которой были сложены из толстых потемневших бревен, стоял сутулый и седой пожилой мужчина. Тема называл его дядей, но на самом деле Архивариус был только лишь воспитателем, временным наставником и хранителем этого ребенка. самого важного ребенка в городе. А точнее – в постоянно разрастающейся загадочной Волшебной стране – той, что когда-то была просто столичным мегаполисом.

С того момента, как малыша передали ему, только он отвечал за то, чтобы местонахождение юного Магистра не стало известно никому, кроме его матери и отца. И еще он считал своим долгом воспитать в меру своих сил этого маленького человека, научить его тем знаниям, что были доступны ему, как единственному Архивариусу магического мегаполиса... сейчас заплаканный Тема смотрел в окно на черное солнце и лишь бессильно хлопал глазами. детьми. гистра. и трансе. ороной.

В комнату вошла высокая, сухая, как старое дерево, женщина. Вид ее был строг, что еще больше подчеркивалось большими квадратными очками и собранными в тугую пучок черными волосами. Своим холодным жестким взглядом она немедленно наградила Архивариуса, отчего тот невольно отвел глаза в сторону. Но едва она увидала Тему, взгляд ее тут же стал мягче, а тонкие губы тронула вымученная улыбка.

– Ты чего это ребенка мучаешь? – не вполне доброжелательно поинтересовалась женщина.

– Никто его не мучает, Полина, – стараясь говорить мягче, ответил Архивариус. – Он просто пытается исправить свою ошибку....

– Жаль, что я не могу исправить свою, – с неожиданным упреком заявила Полина и, подойдя к Теме, принялась гладить того по густой шевелюре, что-то шепча на ухо.

Архивариус закатил глаза и в сердцах безмолвно выругался.

Полина была его наказанием. Карой, ниспосланной Игрой за какие-то прошлые, давно позабытые уже грехи.

Как известно, Игра вывернула привычный мир наизнанку, поставив все с ног на голову, сделав белое черным, а черное – белым. Ну, а точнее – сделав все тем, чем оно и было на самом деле, без прикрас и иллюзий. И Москва, как ей было положено, стала Волшебной, и люди получили разные, порою странные, порою смешные, а иногда и не очень приятные личины – те, которые полагались им за собственные поступки и образ мысли.

Игра вызвала наружу многое из запрятанных в глубины души человеческих тайн. И теперь эти тайны вполне явно отражались на человеческих лицах, в их новых обликах, а у некоторых – маячили перед глазами, не давая душе успокоиться.

Надо полагать, Полине было не легче. Особенно, если учесть, что в ТОЙ жизни она была настоящей красавицей и привычно купалась в волнах мужского внимания.

А теперь лишь этот малыш счастливым образом скрашивал их серое существование с ярком и насыщенной магией городе. Правда, у Архивариуса был еще и его Архив...

Но теперь, видимо, пришел конец и этому маленькому иллюзорному счастью. Мальчик стал слишком большим, для того, чтобы и дальше оставаться в неведении относительно своего истинного «я». А, значит, ему придется покинуть эту милую пыльную окраину и отправиться туда, где самое ме-

сто Магистру Правил.

В самую гущу Игры.

Архивариус поежился.

Он прекрасно понимал, что все, что происходит сейчас в этом городе, имеет определенный смысл, и никакое событие не происходит случайно, просто так, по чьему-то произволу или глупой ошибке. Случайностей, как известно, вообще не бывает – но в Волшебной Москве это стало просто еще более очевидным.

И застывшее в небе черное солнце – еще одно тому подтверждение.

Малыш должен отправляться в путь – под созданным им самим черным знаком, не сулящим ему же ничего хорошего. Так уж заведено в этой Игре – испытании в ней всегда становятся частью пути человека. А если ты Магистр Правил – то и возраст твой не имеет никакого значения...

Итак, пришла пора возвращать Тему в большой мир. Точнее впускать его в этот мир впервые, так как мир этот был нарочно от него скрыт до поры до времени. Ведь Магистр мал и несмышлен – а сила его велика и продолжает расти день ото дня...

У Архивариуса не было ни малейших сомнений в том, что ребенка надо отправлять к матери – в огромную разбойничью крепость, которая, по странным условиям этой игры была заодно и цитаделью научного знания. Знания – вот, что понадобится Теме для того, чтобы сделать правильное реше-

ние, когда придет срок.

Долгожданный срок создания Правил.

Правил, без которых эта Игра никогда не закончится, и жизнь не вернется в нормальное, привычное людям русло.

Когда закончится эта утомительная чехарда зловещих чудес, и начнется рутинная, но такая спокойная и понятная жизнь...

Ведь именно ради этого мать и отец надолго отказались от права общения с собственным сыном. Еще бы – они у всех на виду и даже тайная встреча с ребенком не останется в секрете для сильных и злых претендентов на опеку над этим «золотым» ребенком. Ведь Магистр – это все еще глина, из которой можно вылепить все, что угодно. И получить в результате те Правила, которые будут устраивать удачливого опекуна.

Это был бы весьма печальный исход, и Архивариус не должен был совершить ошибки.

...Он подошел к ряду полок, выполненных из довольно грубо обтесанных досок. Полки были уставлены вовсе не книгами, а разномастными ноутбуками, все – подписанными от руки корешками наружу.

Здесь хранился Архив чудесных и ужасных событий, которые имели, имеют или когда-либо будут иметь место в этом странном городе. Довольно странной особенностью этого самого Архива было то, что настоящее, прошлое и будущее имели свойство меняться в нем, нарушая, казалось,

главное назначение любого архива – хранить факты. Но ведь и Архив это был непростой, да и кто из живущих в Волшебной Москве смог бы дать определение «факта»? Факты – это то, что имеет значение лишь во внешнем мире, искусственно пронизанным полем материализма. Реальный же мир, как ни странно – это здешний мир Духа, мечты, магии...

На этот раз Архивариус избрал для изучения небольшой толстенький ноутбук, на корешке которого, на куске белого лейкопластыря была сделана авторучкой корявая надпись:

## **МАГИСТР ПРАВИЛ**

Архивариус давно не открывал этот материал. Ведь по негласному соглашению с родителями было принято считать, что Тема – это просто ребенок, которого надо спрятать от потенциальной угрозы со стороны недоброжелательных сил. Как-то не было принято говорить о нем, как о будущем Магистре. Ведь, как известно, изложенная здесь история прежнего Магистра была не столь уж радужной и веселой. А тут – малолетний ребенок...

Однако же теперь в этом ребенке проявились свойства, совсем не характерные для лица дошкольного возраста. Ребенок быстро превращался в довольно опасную бомбу. И бомбу эту следовало было переправить в надежное бомбохрани-

лице, где ее доведут до ума сведущие люди.

Архивариус и сам толком не знал, что он хотел бы сейчас найти в Архиве. Совет? Пожалуй. Только ведь Архив – это больше собрание справочных материалов, чем дельный советчик.

А дельный совет и впрямь требовался. Казалось бы, простой вопрос – кто поведет мальчишку через весь город к Университету – туда, где будет ждать его мать?

Но простым он был в далекой уже суетливой столичной Москве, когда единственной проблемой перемещения были уличные пробки. Сейчас же город был мало похож на старую столицу. Изменился пейзаж, изменились расстояния. Магия играла с измерениями и представлениями людей о времени и расстоянии.

И огромные просторы Волшебной Москвы таили теперь бесчисленные опасности, предусмотреть которые не в силах был даже Архив – оттого он и вынужден был постоянно меняться, с трудом поспевая за живой, текучей московской жизнью...

Кто-то должен был доставить малыша к Университету. И этого «кого-то» следовало найти самому. И вызвать на помощь друзей тоже не удастся. Потому что пользоваться какой бы то ни было связью никак нельзя: все каналы контролируют враждебные и агрессивные силы главы Княжества Госбезопасности – Доминатора. Не говоря уж о многочисленных негодях рангом пониже, да таинственных телефон-



ных духах.

Непрекращающиеся войны, кровавые стычки, дележи власти и территории – все это стало нормой. По правде говоря, нормой это было задолго до Старта Игры. Но теперь маски были сорваны, и зло с большим удовольствием сконцентрировалось, рафинировалось и обрело подобающий облик.

И многократно усилилось.

И уже почти семь лет все обитатели Волшебного полигона, как некоторые называли теперь Волшебную Москву, жили в постоянном ожидании очередного выпада со стороны невероятно изобретательных в подлости и коварстве сил. Что же говорить о грядущих, по видимости, новых временах, наступление которых ознаменовало это злосчастное непроходящее затмение Солнца?

Архивариус вчитывался в скупые строки, касающиеся нового Магистра. Тот был еще слишком мал, чтобы слагать оды о его жизненном пути и великих деяниях. И кто знает, добру или злу послужит этот мальчишка, когда, наконец, придумает и зачитает, согласно Формуле Игры, ее окончательные Правила?

Ну, а пока Игра идет своим чередом. Странная Игра без определенной цели, без определенных Правил. Пять Игроков уже приняло в ней участие когда-то, но новых, почему-то так и не появилось...

Кряхтя, Архивариус поднялся со своего кресла и снова подошел к полкам. На этот раз он взял в руки тоненький и

легкий аппарат с аккуратной надписью на корешке:

## ИГРОКИ

Вот они все, все пятеро...

Стоп... Что-то резануло взгляд, заставив учащенно биться сердце. Что-то было не так в списке Игроков, что-то совершенно невозможное врезалось в сознание, заставляя тупо пялиться в экран в попытках свести воедино разорванные логические ниточки...

«Всего Арбитром было зафиксировано 6,5 Игроков. Из них пятеро приняли участие в первом этапе Игры...»

Что?! Что это значит? 6,5 Игроков?!

Архивариус вновь и вновь просматривал запись, пытаясь понять смысл скупой информации этих строчек.

Пятеро Игроков ему хорошо известны – как и большинству жителей Волшебной Москвы, исключая, разве что, совсем уж забитых гномов, отбывающих вечное наказание на вечном строительстве подземелий метро.

Но что это за разница? Откуда вообще взялись непонятные полтора Игрока? И как это понимать – 1,5 Игрока?

Он снова уставился на тусклый плоский экран.

«В целях унификации дополнительные 1,5 Игрока считаются Игроком номер семь»...

Архивариус глубоко вдохнул и резко выдохнул. Он был очень проницательным человеком – не зря же Игра выдавала ему столь значительную Личину в сложной магической иерархии персонажей Волшебной Москвы. И он сразу же понял, в чем здесь главная для него новость.

В Игру вступил еще один (или даже больше, чем одни) Игрок. А это значило, что Игра переходила в свою новую стадию.

Он не знал, радоваться ему или переживать по этому поводу. С одной стороны, все уже привыкли жить в этой странной реальности, а маленькие дети – те вообще, другой реальности и не представляли... Но с другой – эта реальность была навязана людям насильно. Никто не спрашивал их – хотят ли они этого самого колдовства в таком избытке, что даже самым прожженным столичным самозванным магам, гадалкам и медиумам давно стало тошно.

Перемены, тем не менее, наступали. Архивариус поймал себя на том, что улыбается этим своим мыслям. А раз так – следовало действовать. И действовать, по возможности, немедленно.

Самое главное сейчас – найти достойного и надежного провожатого для Магистра.

Конечно, он и сам был бы не прочь сопроводить мальчика до ворот разбойничьей крепости. Но Архивариусу нельзя отходить далеко от Архива. Да и какой из него защитник – для самой важной в Игре персоны? Нет, к этому вопросу надо

подойти основательно...

Костя осторожно приближался к границе Локализации. Граница эта была условной: она постоянно меняла свои очертания, норовя все дальше и дальше раскинуть свои страшные невидимые щупальца. Именно поэтому многочисленные мобильные патрули совершали свои объезды на почтительном расстоянии от тех точек, где специалисты фиксировали некие аномальные проявления.

Такое патрулирование, конечно же, было довольно условным: попробуй охватить огромный участок, размером почти с бывшую Московскую область... Но говорят, раньше, когда впервые стало известно о Локализации и когда возникло само это понятие, столица была взята в самую настоящую блокаду. И сейчас вдалеке за незримой границей можно видеть остовы танков, орудий, грузовиков и вертолетов... Только никто, даже жадные до халявной поживы мародеры, не рискуют туда сунуться. А если и были такие рискованные ребята – про них никто и ничего больше не узнает...

При этой мысли Костю передернуло. Ему как раз предстояло проделать этот путь – который, возможно, имел лишь одно направление...

Вдалеке послышался гул двигателя: это приближался патрульный БТР. Надо было поторопиться. Если угроза со стороны Локализации пока всего лишь теоретическая, то быть

застреленным отморозенными вояками с бронетранспортера было бы и вовсе глупо.

И Костя сделал свой первый шаг. Затем второй. Конечно, считать шаги не имело никакого смысла – ведь никто не знает, где действительно кончается нормальный мир, и начинается эта проклятая Локализация...

Краем уха Костя услышал, как позади остановился БРТ. Его предупреждающе окрикнули. Но голос кричащего тут же осекся.

Костя обернулся. С брони за ним с интересом наблюдали трое солдат. И даже передавали друг другу бинокль. Они вообще не собирались стрелять. Им было интересно: что же происходит с человеком, пересекающим запретную черту?

Костя улыбнулся и помахал солдатам рукой. Те не ответили подобным приветственным жестом. Они продолжали наблюдать. В руках у одного из них Костя с удивлением заметил видеокамеру.

– И чего же вы ждете, родные? – усмехнулся Костя. – Как меня на куски порвет? Сожжет адским пламенем? Или как я растворюсь в воздухе, словно приведение?

Вот же, люди! Каким были тысячи лет назад – такими и остались. Ничего им не надо – подай только хлеба, водки и зрелищ. И зрелищ, по возможности, смертоубийственных...

Рассуждая таким образом, Костя уже довольно свободно шагал в сторону МКАД. Он уже свыкся с мыслью, что находится ВНУТРИ. Но вопрос о том, как выбраться ВОВНЕ был

еще преждевременным. Все только начиналось...

Костя, наконец, вышел на широкую и чистую дорогу. И даже несколько удивился – в каком хорошем состоянии та находится, какая на ней свежая, сверкающая на солнце разметка. А ведь за семь лет Локализации ее вряд ли обновляли. Видимо, здесь по-прежнему продолжается нормальная жизнь. Конечно, особенная, без связи с внешним миром, но жизнь...

Как ни странно, такой вывод несколько обескуражил и расстроил Костю. Ведь успех его предприятия основывался на том предположении, что в городе царит разруха и мор. Именно в таких обстоятельствах удобнее всего ограбить известную на весь мир сокровищницу. Ведь именно ради визита в это алмазное сердце страны он и шел на такой риск. А что же ему делать, если Москва по-прежнему здорова и многолюдна – и охрана на своих местах? Конечно, часть замысла заключалась в возможности избежать немедленного преследования после кражи – кто будет преследовать его из-за периметра Локализации? К тому же, после столь странной изоляции Москвы (как и некоторых других крупных городов по всему миру) у некоторых богатых незнакомцев появился интерес к утраченным сокровищам. И свой интерес они подкрепляли вполне твердой валютой.

Костя решительно отбросил все сомнения. Первый шаг сделан. И теперь оставалось только идти вперед, чтобы самому убедиться в возможности довести дело до конца...

Он, не спеша, брел по двойной осевой линии автострады, когда услышал над головой негромкий стрекот и ощутил на затылке дуновение легкого ветерка.

– Граждане, что же это вы правила дорожного движения нарушаете? – раздался строгий голос.

Раздался как-то странно – где-то над головой. Костя вздрогнул. В этот миг он ощутил, что что-то не так. И дело было не только в голосе. Скорее в том, КАК он его услышал.

Перед Костей, заложив крутой вираж, приземлилось на осевую линию диковинное существо. Если бы Костя не был морально подготовлен ко всякой чертовщине, что по слухам творилась в этом городе, он, наверное, убежал бы, истерически крича и нелепо размахивая руками. А так...

Ну, стоял перед ним гаишник. Ну, покрытый черно-белыми полосками, как его же, гаишника жезл. Ну, скажем, тот не столько стоял, сколько парил в воздухе в полуметре над землей при помощи пары полупрозрачных стрекозиных крыльев.

«Началось в колхозе утро», – только и подумал Костя.

И снова его посетило странное, незнакомое ощущение...

– Инспектор Горемыкин, – представилось крылатое существо. – Так что же вы, граждане, по автостраде идете, нарушаете и создаете аварийную ситуацию?

– А почему, собственно, «граждане»? – спросил Костя.

Ему, конечно, хотелось спросить совсем о другом. Напри-



мер, почему инспектор столь крылат и полосат, и что же здесь, внутри Локализации, творится на самом деле? Но задал, почему-то, именно этот вопрос.

– Новичок... – удовлетворенно-сочувственно констатировал инспектор. – Да, понимаю. Непросто все это, ох непросто...

Горемыкин лихо заложил вираж, одновременно взмахнув своим жезлом – ни дать, ни взять, как фея из диснеевского мультфильма. Из жезла обильно посыпались искры, а перед слегка ошалевшим от увиденного Кости возникло большое зеркало в белой оправе, с двумя галогеновыми лампочками подсветки, будто вырванное из чьего-то трюмо.

Теперь Костя окончательно спал в ступор. И причиной было, конечно же, не волшебное появление зеркала, и даже не его способность левитировать на удобном для использования уровне. Все дело было в том, что в этом зеркале отражалось.

А отражался в нем он сам.

Сначала ему показалось, что у него попросту двоится в глазах. А потом пришел страх.

Он медленно поднял руки и попытался коснуться висков...

– Прикинь, да? – сказали прямо в ухо. – Я сам офигел!

Тут нервы у Кости не выдержали, и он заорал:

– Что это?! Как? А-а!!!

Инспектор Горемыкин легко облетел Костю, осматривая

того.

— А что, — сказал он. — Две головы — это, конечно несколько необычно, но возможно в этом и есть свои плюсы...

Усилием воли, обмирая от ужаса, Костя заставил себя повернуть голову вправо. И лишь беспомощно ойкнул.

В упор на него смотрел он сам — словно с испорченного зеркала, смотрел и, глупо оскалившись, лыбился.

— Здорово, братан, — сказал его двойник, точнее — его вторая голова. — Ты мне скажи: какого черта ты делаешь на моем туловище?

— Чего? — поразился Костя. — Это каком еще — твоём? Ты, вообще, кто?

— Я-то — Костя, — сказала голова. — А вот ты-то кто?

— Граждане, попрошу! — вмешался в этот дикий спор инспектор Горемыкин. — Я все, конечно, понимаю — одна голова хорошо, а две — лучше. Только соблаговолите-ка сойти с проезжей части. Вы мешаете дорожному движению...

— Какому еще движению, начальник? — ухмыльнулась вторая голова. — Дорога-то пустая!

— Это у кого-то голова пустая, — бросил Горемыкин и осекся: говорить о головах сейчас было бестактно. — Посмотрите внимательно...

И хотя Косте было не до того, он посмотрел. Вначале дорога казалась по-прежнему пустой. Но потом он узрел какое-то движение воздуха. А, присмотревшись, увидел множество прозрачных, неосязаемых на вид экипажей, запря-

женных такими же эфемерными лошадьми.

– Это Дорога призраков, – пояснил инспектор. – Вас сбить могли – тогда хлопот было бы – даже не представляете. Судиться с призраками – это дело тяжкое. Даже протокол составить – целая проблема. Но с другой стороны... Вы, как я понимаю, Игрок... Или – Игроки?..

Инспектор задумался, словно пытаясь разрешить непростую логическую задачку. Действительно, можно ли считать двухголовое существо одним Игроком? Или же это две отдельные личности? Впрочем, философские размышления – не самая сильная сторона инспекторов ДПС. Даже превращенных в некое подобие сказочных фей.

В этот момент в воздухе что-то произошло. Из ничего ступило нечто плотное, что быстро превратилось в фигуру в белой тоге наподобие римской и сандалиях. Человек был довольно молод, но взгляд имел чрезвычайно печальный.

– Здравствуйте, Арбитр, – почтительно пробормотал Горемыкин.

Арбитр не ответил на приветствие. Лишь произнес сухим казенным тоном:

– Одна целая пять десятых Игрока, только что вошедших в Игру, округляются до целых чисел и отныне считаются Игроком номер семь. К настоящему моменту нарушений Правил не зафиксировано ввиду отсутствия последних...

Произнеся эти слова, тот, кого назвали Арбитром, не спеша шагнул словно в невидимую дверь. И исчез. В другое вре-

мя Костя от души изумился бы увиденному, но сейчас его головы были забиты другими проблемами.

– Что же мне делать? – хором спросили Костины головы, а ошалевшее от новых перспектив тело принялось ощупывать новоприобретение. Наконец, обессиленное оно опустилось прямо на пыльный асфальт обочины.

Гловы пребывали в смятении. Они старались не смотреть одна на другую.

– Ну, что я могу посоветовать? – пожал плечами инспектор. – Разве что «скорую» вызвать...

Доктор задумчиво смотрел на Костю и поглаживал небольшую седоватую бородку. Судя по выражению его лица, Костя представлял собой тяжелый случай. Однако в то же время Доктор чудесным образом вселял надежду на скорейшее и несомненное выздоровление. Был Доктор чем-то похож на доброго и грустного Айболита, будто только что выскочил из детской сказки.

Чего нельзя было сказать о Медсестре. Если она откуда и выскочила – то разве что из секс-шопа. Выглядела она так, будто работала не в медицине, а в ведомстве сексуальных услуг, выполняющем любые запросы клиента. В данном случае имел место милый маскарад для невинной игры в больного и медсестру: маленький сверкающий халатик плотно облегал крутобедрую фигуру, давая простор длинным ногам в туфлях на платформе и пышной груди, которую едва удерживали.

живало смелое декольте. На белокурой головке красовалась маленькая шапочка с красным крестом.

В общем, Медсестра и Доктор представляли собой довольно живописную парочку.

– М-да, – сказал, наконец, Доктор. – Не знаю, не знаю... Тяжелый случай. Что тут посоветуешь, кроме ампутации лишней головы?

– Но-но, – нестройным хором воскликнули обе головы. – Как мы определим, какая из нас лишняя?

– М-да? – сказал Доктор. – Ну-с, давайте проведем опыт. Левая голова... Да-да, вы. А ну-ка, поприседайте... Раз, два... Достаточно.

– Э-э! Не слушай его! – воскликнула правая голова. – Фельдшер нас разводит!

– Он не фельдшер, – наставительно сказала Медсестра приятным бархатным голоском. – Запомните это, пожалуйста. Не надо Доктора обижать...

– А теперь вы, – продолжил доктор, обращаясь к правой голове.

– А что – я? – прикинулась непонимающей правая голова. – Что вы имеете в виду?

– Разведите руки в стороны, – попросил Доктор.

– Это еще зачем? – сопротивлялась правая голова.

– Он не может, – сказал Костя в лице своей левой головы. – Я же говорю – эта голова лишняя.

– Это твоя голова лишняя, фраер! – гаркнула правая. –

Лучше молчи, а не то лбом в висок заеду!

Доктор неожиданно тукнул маленьким детским молоточком поочередно по обеим головам. Раздалось два смешных квакающих звука, и головы замолчали.

– Мне все ясно, – спокойно сказал Доктор. – Правая голова – паразитарная. Надо решать – ампутировать хирургически или же будем выводить путем терапевтического воздействия...

– Ой! – воскликнула Медсестра, и взявшись за румяные щечки, покачала головой. – Страсти-то какие...

– Как это – выводить?! – взвизгнула правая голова. – Вы что, очумели, что ли?! Живого человека убить хотите? Да я на вас в милицию маляву накатаю! Милиция!

Издали донесся быстро нарастающий треск мотоциклетного двигателя.

– А вот вам и милиция, – сказал наблюдавший за происходящим со стороны инспектор Горемыкин. – Волкоп, собственной персоной.

Звук мотора превратился в низкий рокот, и на обочину, возле которой готовилась ампутация, выкатил огромный, роскошный, сверкающий хромом и лаком мотоцикл. С него величественно сошел тот, кого Горемыкин назвал Волкопом – гигант в парадной милицейской форме, хромированных сапогах, белой портупее с гигантской кобурой, огромной, лихо изогнутой фуражкой.

Медсестра немедленно издала странный гортанный звук

– будто кошка, почуявшая наступление весны. Волкоп был ее слабостью. Одной из самых больших слабостей.

Как известно, Волшебная Москва славится своими великими людьми. Вот одним из таких великих и замечательных людей и был Волкоп или Волшебный Милиционер. Его волшебность заключалась не столько в могучем героическом облике, и даже в непревзойденной брутальности, рентгеновском взгляде и мистической проницательности, сколько в совершенной неподкупности.

Ни для кого не секрет, что Игра при Старте щедро раздавала жителям Москвы самые разнообразные личины, и мало кому досталась достаточно позитивная. Дело в том, что Игра обнажала истинную сущность людей, а она, к сожалению, у большинства из нас далека от идеала. Потому в большинстве своем в качестве личин люди получили собственные же гипертрофированные пороки. И уж во всяком случае, так произошло с большинством сотрудников всякого рода «органов».

Волкоп же представлял собой исключение, еще больше подтверждающее правило. Если его честность и чистота помыслов до Игры воспринималась сослуживцами чуть ли не как признак идиотизма, то теперь все стало на свои места. Гадкий утенок превратился в ослепительную, внушающую уважение и трепет машину закона.

– Я слышал, здесь требовали моей помощи, – сказал Волкоп сочным басом. – Вы?

Он ткнул пальцем в перчатке с крагой в сторону Кости. Правая голова немедленно вжалась в плечи.

– Нет-нет, начальник, все в порядке, – заблеяла она, – просто недоразумение, но мы все уладим. Доктор просто решает, как нас лечить, вот и все...

– Сдается мне, что здесь не медицинский случай, – заявил Волкоп. – И именно поэтому я здесь.

– Я так и думал, – кивнул Доктор.

– Я этого и боялась, – всплеснула ручками Медсестра.

– А какой же это случай? – устало спросил Костя своею левой головой.

Он уже начал привыкать к диковатому местному антуражу. И даже к тому, что ему приходится делить свое тело со второй собственной головой, которую Доктор, почему-то называл жутковатым словом «паразитарная». Что интересно – никаких физически неприятных ощущений по поводу ново-явленного лишнего органа он не испытывал. И даже не мог припомнить момента, когда он почувствовал бы в себе физиологические перемены. Видимо, все здесь было завязано на мистике...

– А случай этот – уголовный, – спокойно сказал Волкоп. – Оперативную разработочку попрошу...

Последние слова он произнес куда-то в сторону. И прямо перед ним в воздухе возникли полупрозрачные стопки листов. Они немедленно зашуршали, сами собой перелистываясь и укладываясь. Волкоп же говорил, совершенно спокой-



но и почти не заглядывая в эти чудесные листки.

– Гражданин Обухов Константин Львович, такого того года рождения, не женат, учился, не был, не состоял, не вступал... Ага Вот.... Замечен за подготовкой крупной кражи государственного имущества. Причем имущества, представляющего собой всенародную культурную, научную и политическую ценность. Отпираться будем?

– Будем! – взвизгнула правая голова. – Какие у вас есть доказательства? И с каких это пор замысел считается преступлением? Ведь не было даже факта покушения! Читай УПК, начальник!

Костя обомлел. Откуда этому чуднОму Волкопу стали известны его замыслы? Неужели его подставили?

– Конечно, факта покушения не было, – согласился Волкоп. – Зато имелся факт приготовления...

В воздухе задержалась какая-то картинка, раздался характерный стрекот кинопроектора, и в черно-белом формате, будто на старой заезженной пленке, Костя увидел себя, в своей собственной комнате за укладыванием в рюкзак отмычек.

Изображение исчезло.

– Дело милиции – не только карать лиц, совершивших преступление, но и пресекать саму возможность такового совершения, – воздев палец к небу, провозгласил Волкоп. – И я бы немедленно передал это дело в суд, если бы подозреваемый не был Игроком...

– Игроком?! – хором воскликнули Медсестра и Доктор.

– Именно!

Медицинские работники, казалось, были просто потрясены сказанным – Доктор в меньшей степени, Медсестра – в большей. Причем, если Доктор принялся возбужденно и хмуро теребить себе бороду, о чем-то размышляя, то Медсестра как-то вспыхнула, приподнялась на цыпочки и как-то крадучись, подобралась поближе к Косте, не замедлив, как бы случайно, задеть его своим пышным телом.

– О-о-о! – простонала она.

– Иди ко мне, цыпочка! – скабрезно оскалилась правая Костина голова и, зашипев от бессилия, процедила левой:

– А ну, хватани, щипани ее, я сказал... Вот дурень...

Костя не разделял озабоченности своей второй головы. Если только про нее только можно было сказать «своя».

Волкоп между тем продолжал свою уголовно-процессуальную речь:

– ...Во время Игры Игрок не подлежит преследованию со стороны закона, за исключений преступлений, совершенных против Арбитра или Магистра Правил...

– Помним, – хмуро сказал Доктор.

– Да, да, – мы помним это, – разом сникла Медсестра.

– Прежний Арбитр был убит, – пояснил Волкоп. – Но это долгая история. Теперь у нас новый...

Костя непонимающе смотрел на Волкопа. Игроки, Арбитры, Игра какая-то... Что за чушь? Ему, конечно, говорили, что здесь не все в порядке с мистикой. Но при чем здесь иг-

ры?

– Это, что касается Игрока, – продолжил Волкоп. – Но это не касается той части его личности, которую Игра сочла нужным отделить от него самого...

– А-а! – понял Доктор.

– Вот оно что... – поняла Медсестра.

– Чего?! – не поняли Костины головы.

– А что ж тут непонятного, – вмешался инспектор Горемыкин. – Одна голова – это голова Игрока. А вторая – совершенно лишняя...

– Согласно протоколу, – сказал Волкоп. – Первая голова принадлежит Игроку с условным именем Костя...

– Это почему же, с «условным»? – возмутился Костя, в то время, как вторая голова заливисто заржала:

– Ой, не могу! С «условно-досрочным»! Ха-ха!

– Вторая голова, – не обращая внимания на реплики, продолжал Волкоп, – принадлежит отделенной от него части личности с уголовным уклоном, с условным погонялом – оно же кличка – Костяк...

Костяк – это была кличка Кости и его ник в специальном закрытом чате. Только что Волкоп имеет в виду под «отделенной частью личности»? С некоторым удивлением Костя вдруг понял, что испытывает стойкое отвращение к тому делу, ради которого забрался в это странное место. Даже под пыткой он не смог бы теперь совершить кражу...

Видя вопрос в глазах Кости Волкоп сказал:

– Так уж повелось, что именно мне приходится встречать Игроков, хотя делать это полагается Магистру Правил. Но у нас никогда толком не было этого Магистра, так что... В общем, твое положение я понимаю так. Ты – Игрок, а, следовательно, должен будешь участвовать в Игре. Поскольку никаких Правил до сих пор не существует, я могу лишь просить тебя об одной услуге, которую ты, как Игрок, совершишь лучше других.

– Конечно, если я что-то смогу...

– Но просить я буду лишь Игрока, – слегка повысив голос, сказал Волкоп. – Постороннее лицо, прибывшее сюда с преступными намерениями, я вполне мог бы арестовать и при-  
дать суду, чем доставил бы массу неудобств и самому Игроку...

– Начальник, ты чего, побойся бога! – запричитала голова по кличке Костяк. – Не меня, друга моего пожалей, он-то ни в чем не виноват...

Она захныкала.

Костя с отвращением покосился на свой новоявленный придаток и сказал:

– Я все понял, уважаемый Волкоп. Что от меня требуется? Волкоп удовлетворенно кивнул.

– Правильное решение. Реакция настоящего Игрока. Я не могу тебе сказать ничего конкретного. Ты должен будешь отправиться в одно место и встретиться с одним человеком... Граждане, попрошу отвернуться! Гражданин Костяк, вас это

тоже касается.

– Но как я могу отвернуться? – возмутился Костяк. – В конце-концов, какие у нас с братом могут быть тайны?

– Тоже мне, братец сиамский выискался, – проворчал Костя.

– Закройте глаза! – приказал Волкоп.

Он умел приказывать. Костяк мигом захлопнул глаза, изо всех сил зажмурившись, словно ожидая удара.

Волкоп быстрыми короткими знаками начертил прямо в воздухе светящуюся красноватую надпись. Это были адрес и имя. Костя прочитал, и письма мгновенно оплыли, как клекса и исчезли.

– Все дело в том, что за мной могут следить, – пояснил Волкоп. – У меня много недоброжелателей. А сейчас они особенно сильны.

– А что сейчас такого особенного? – спросил Костя.

– Пройдешь МКАД – увидишь, – отвечал Волкоп.

Он оседлал своего стального коня и с ревом умчался прочь. Следом упорхнул добрый гаишник Горемыкин.

– Если паразит будет чесаться – звоните «ноль три», – сказал Доктор.

– Сам паразит! – крикнул Костяк.

– Удачи, милый, – лучезарно улыбнулась Косте Медсестра.

Под вой сирены умчалась и «Скорая помощь».

– Ну, что стал? Пошли уже! – проворчал Костяк. – И если

не в лом – почеши мне за левым ухом... Во, спасибо...

...Через час Костя входил под эстакаду МКАД. Яркое светило солнышко, чирикали в траве за обочиной какие-то птички. Ничто не говорило ни о таинственной Игре, ни о предстоящих испытаниях. Только раздражало чужое сопение над ухом.

Ничего, он и к этому привыкнет. Надо будет только выполнить задание Волкопа, да и убираться отсюда восвояси. Все равно он не сможет выполнить поручение друзей-бандитов. Просто физически не сможет. А там, в нормальном мире, это наваждение в виде дополнительного устройства для ношения шапки исчезнет само собой. Рассосется, как сказал Доктор. Правда, выбраться отсюда, очевидно, задача не из легких...

Размышляя так частью сознания, очищенной от уголовных наклонностей, Костя пересек МКАД. И удивленно поднял голову к небу.

Тут он понял, что все гораздо сложнее, чем хотелось бы ему думать. И задание он наверняка получит не из легких, да и выбраться отсюда навряд ли получится в скорости.

Чего можно ожидать от мира, над которым неизменно висит черное, упрятанное в лунную тень, солнце?

Адресом, который ему дал Волкоп, была станция метро «Юго-запад». Написанное Волкопом имя Костя забыл через несколько шагов под жутковатым сумеречным небом.

Он шел по обезлюдившим улицам, мимо проносились редкие машины. Ему даже показалось, что некоторые из них просто пролетали, задевая троллейбусные провода и обильно посыпая землю искрами. Но, возможно, это ему только пригрезилось. Пару раз навстречу попались прохожие – настолько странного вида, что Костя, наконец, перестал затравленно вжимать обе головы в плечи. Впрочем, никого, он своей внешностью, очевидно и не удивлял.

Он спустился в метро и подошел к турникету. Здесь его должен был ждать этот... Ну, что за имя, честное слово?

У турникета суетился какой-то низкорослый тип странной наружности. Если бы Костя решил вдруг снимать мультфильм про смешных шпионов – он, наверное, нарисовал бы именно такого – в огромной черной шляпе, в плаще, полы которого мели пол, а рукава норовили сползти и спрятать руки в черных перчатках. Что уж говорить о нелепых черных очках, из-под которых торчал мясистый красный нос. В руках человека был толстый лоснящийся портфель искусственной кожи.

– Здравсте, – неуверенно произнес Костя, – Вы, случайно,

не этот самый... Суи...ара...

– Суиравихра, – прошипел незнакомец, прикладывая палец к губам. – Только тихо, это имя никто не должен слышать...

– Да толку, если его кто услышит, – хмыкнул Костяк. – Нифига не разобрать, все равно... Костян, а Костян, может, ну его, этого клоуна, давай свалим отсюда, пока менты не замели...

Незнакомец возмущенно встрепенулся, а Костя отвесил своей второй голове увесистый «щелбан».

– Думай, что говоришь, – сказал он. – Я ведь ради тебя стараюсь. Нам шанс дали. Или ты хочешь, чтобы тебя таблетками вывели?

– Это мы еще посмотрим, кто кого выведет... – насупился Костяк. – Ну, дело хозяйское. А по мне – так самое время делать ноги...

Незнакомец в пальто нетерпеливо взмахнул рукой:

– Вы долго еще препираться будете? Дождетесь, что обоих «выведут». Новых Игроков здесь не особо-то жалуют...

– А с чего ты взял, мы – Игроки? – грубо поинтересовался Костяк.

– Вот лично тебя я, голова садовая, и не имею в виду, – хмыкнул тип. – А новости здесь быстро разлетаются. И наша задача успеть, пока они не долетели до того, кому они не понравятся. За мной, быстро!

Тип проследовал мимо будки, в которой в нормальной об-



становке сидела бы служительница метро. Сейчас же будка походила на подбитую и ржавую танковую башню.

– Служебный, – гордо заявил тип. – Это со мной!

– Да, знаю я, Степаныч, – гулко донеслось из глубины «башни».

– Тихо ты! – прикрикнул на невидимую служительницу (или что там в башне сидело) незнакомец. – Не нарушай конспирацию!

В ответ раздался рокочущий хохот, от которого обеим головам на Костином теле стало не по себе.

– Свят-свят-свят! – испуганно пробормотал Костяк и зыркнул на Костю. – А ну, перекрестись!

– Сейчас, разбежался, – с некоторым злорадством отозвался Костя и тут же поймал себя на мысли, что злорадствует пусть над плохой, но все же частью самого себя.

Кроме того, рука сама вдруг захотела осенить Костю крестным знаменiem. Пока он боролся с искушением, тип в пальто подвел их к краю эскалатора.

– Вперед! – приказал он.

Костя привычно поставил ногу на движущуюся лестницу. И уже падая, сообразил, что никакой лестницы-то и нет! Был крутой желоб, по дну которого стремительно струилась вода – точь-в-точь, как аттракцион в аквапарке! Костя бывал в аквапарках. Только никогда ему не доводилось нестись по столь крутой горке в одежде, да еще и двумя головами вперед!

– А-а-а! – орал Костя.

– А-а-а, мама моя родная, чтоб тебя разорвало, урод очкастый, шляпа, чтоб тебе пусто было! – орал Костяк.

Простым сорокапятиградусным спуском дело не ограничилось. Желоб мгновенно перешел в круто закрученную трубу, и несчастное двухголовое существо принялось описывать фигуры высшего пилотажа, рискуя захлебнуться двумя орущими глотками сразу.

Впрочем, все кончилось довольно быстро. Описав круглую дугу, Костя сотоварищи шлепнулся в большой бассейн. Когда обалдевший Костя вынырнул и огляделся по сторонам круглыми от ужаса глазами, то увидел, что бассейна-то как такового нет вовсе – есть сплошное водное пространство глубиной по грудь, заполняющее платформу целиком и уходящее напрямик в черноту двух параллельных тоннелей.

Раздался хлесткий свистящий звук. Костя обернулся: из той же трубы на поверхность странного подземного водоема вылетел уже знакомый незнакомец, который, в отличие от Кости, был гораздо более сух: весь путь он чудесным образом проделал верхом на своем пузатом портфеле. Да и пальто, видимо было на нем неспроста – уж больно непромокаемый вид оно имело. И только теперь Костя увидел, что очки под черной шляпой были плавательные.

– Спасибо за купание! – раздраженно выкрикнул Костя, и его голос разнесся по залу станции с характерным бассейнным гулом.

– Не за что, – ответил человек со странным именем, которое из Костиной памяти снова начисто смыло водой. – Не до церемоний. Сейчас подойдет состав – гребите к тому пути.

– Не до церемоний ему! – отплевываясь, ворчал над ухом Костяк. – Не удалось утопить – так сейчас током добьют! Какой еще там «состав» при этом наводнении...

Но Костя уже настроился ждать от этого города самых разных неожиданностей. И он не разочаровался в собственных ожиданиях.

Из глубины тоннеля донесся низкий гудок, ударил луч света, а следом пошла нарастающая, будто цунами, волна, которая немедленно дошла до горла. Точнее – до двух горл. Тип в плаще же легко взмыл на волне и лишь подгрребал руками, чтобы его не отнесло слишком уж далеко.

Ну а потом... Потом Косте осталось лишь изумленно раскрыть рот, рискуя захлебнуться в темных волнах.

Из черного жерла тоннеля показалась огромная тупая морда, и не чего-нибудь, а самой, что ни на есть подводной лодки! И это было бы еще полдела – субмарина выползала и выползала, превращаясь в длинного кольчатого червя – ведь она, как и обычный поезд была поделена на секции-вагоны, в которых вместо широких окон были большие выпуклые иллюминаторы. Из бортов местами торчали коротенькие плавники-крылышки, передний вагон венчала приземистая рубка, похожая на случайный наплыв металла. А заканчивалось это чудо техники хвостом-стабилизатором и наполови-

ну торчащим из воды винтом.

Раздался приглушенный скрежет, и подводный поезд остановился.

– Ничего себе, – сказал Костя, гребя к распахнувшимся над кромкой воды широким люкам. – Что это еще за технические новшества?

Внутри этот подводный состав ничем не отличался от обычного вагона метро – те же металлические поручни, сиденья, обтянутые заменителем кожи, схемы метрополитена на стенках. Но главное – здесь было сухо.

Двери с шипением закрылись, и поезд мягко двинулся. Чего не хватало для привычного ощущения метро – так это нарастающего свистяще-гремящего звука. Зато за круглыми иллюминаторами стал быстро повышаться уровень воды, пока и не скрыл их полностью.

Костя выжимал одежду, Костяк насвистывал какой-то блатной мотивчик, а тип с непроизносимым именем пространно объяснял ситуацию:

– Вообще-то, я думал, вы в курсе. Просто однажды метро попыталось захватить Войско. Оно вообще вечно лезет не в свои дела и все пытается что-то захватить, кого-то победить. То с Ордой сцепится, то с Княжеством. Будто не понимает, что не все в Волшебной Москве решается силой. Ну, а так полезли они сюда – пришлось сразу эту ветку и затопить. Войско ноги-то унесло, кто успел. Ну, а нам теперь – расхлебывай...

– А вы, это, вообще – кто? – поинтересовался Костя.

Вторая голова лишь сонно зевнула.

– Мы? – усмехнулся тип. – Мы хозяева этого подземного царства...

– Подводного, – ставил быстро Костя, глядя на стремительно проносящиеся за стеклом пузырьки.

– А? Ну, это частности. Главное – мы властелины метро. Нас называют гномами.

– А вы сами как себя называете? – спросил Костя.

– Сами? – задумался тип и тут же торжественно заявил. – И мы сами тоже называем себя гномами!

– А. – сказал Костя. – Понятно. Гномы, тролли. Ага...

– Ваша ирония здесь не уместна, – обиженно сказал тип. – Только если вы в лицо назовете крупного гнома троллем – я не ручаюсь за ваше здоровье...

– А что это у вас за странное имя такое? Суи...

– Тс-с! – испуганно произнес тип, приложив к губам палец в перчатке. – нас могут подслушивать! Это не мое имя. Это имя человека, к которому мы направляемся. Суиравихра – это означает Архивариус. Только наоборот. Это для конспирации...

Сбоку раздался негромкий смешок. Костя глянул в ту сторону. Только сейчас он заметил сидящую в уголке сутулую фигуру в черном балахоне, с низко надвинутым на голову капюшоном. Фигура держала в руках развернутую газету и вроде бы читала. Костя готов был поклясться, что когда они

«вплывали» в вагон, то место пустовало!

– Проклятье! – пискнул гном. – Это один из Агентов Княжества. Значит, он все слышал...

Агент неторопливо встал, сложил газету, подошел к закрытой двери – и вышел – прямо сквозь нее в бурлящую за стенами воду. Еще ему послышалось небрежно брошенное насмешливое: «Конспираторы...»

– Я так и знал, – причитал гном. – Я ведь предупреждал – к вопросам конспирации надо относиться серьезнее! Теперь бы успеть добраться до Суиравихра... а, ладно – до Архивариуса – раньше Агентов. Только ведь сейчас для них наступила полоса удачи. Это все проклятое затмение...

– Я ничего не понимаю, – признался Костя. – Куда вы меня везете, к кому, зачем, кто этот Архивариус, и что ему от меня нужно... Особенно не понимаю – почему это за городом никакого затмения нет – а здесь оно не прекращается, будто программа в компьютере зависла...

– Тот, кто сможет это все понять – сможет и прекратить эту чертову Игру, – буркнул гном. – Только нету что-то такого умника до сих пор, не видать его. А потому, давай, Игрок, заканчивай эту бодягу поскорее. На Игроков у нас вся надежда. Только что-то до сих пор надежды эти не очень-то оправдываются...

Поезд-субмарина всплыл под тусклое небо в мутных водах Москвы-реки. Костя понятия не имел, где именно он на-

ходится. Он и раньше не мог похвастаться, что хорошо знает Москву, из которой по счастливой случайности выехал когда-то перед самым началом всех этих странных событий. Ну, а теперь ему оставалось только лишь изумленно озираться по сторонам: это было совершенно чужое место, удивительное и зловещее, под черным солнцем с ослепительной полоской короны.

Подводный поезд причалил к бетонному перрону. Костя вылез наружу под ворчание своей второй головы:

– Заманили, ей-богу заманили! Ты смотри, лопух, рта не развешай – чуть что – делай ноги. А схорониться где – всегда найти можно.

Гном спрыгнул на перрон, где немедленно уронил шляпу и запутался в собственном плаще. Костя проводил взглядом странный поезд. Тот свистнул, двинулся было вдоль берега, а затем свернул на глубину, выпустил в воздух густой фонтан воды и нырнул – удивительным кольцеобразным движением. Как ныряет, наверное, какая-нибудь гигантская анаконда...

– Так, – сказал гном, разобравшись, наконец, со своим плащом и водрузив шляпу на лысую, как оказалось, голову. – Пойдем быстрее, тут уже недалеко...

Костя подпрыгнул на месте. Рюкзак сидел достаточно плотно, но и не мешал движениям. За его содержимое он не боялся – все было герметично упаковано. Впрочем, видимо, в рюкзаке так и не будет необходимости... Одежда странным образом успела уже высохнуть. Костя пошарил по карманам.

А вот сигареты превратились в кашу.

Костя курил редко, но сейчас почему-то захотелось.

— Пойдем-пойдем... — бубнил Костяк. — А ты давай — плетись следом, как баран какой-нибудь. Вот дали дураку тело, а голова на что? Эх, покурить бы...

— Вторая голова мне и впрямь ни к чему, — сказал Костя. — Будешь много болтать — курить буду только сам, а ты przyjmивайся...

— Да, ладно, я так сказал, — ухмыльнулся Костяк. — Ты ведь насчет курва пошутил, да?

Костя ничего не ответил. Он смотрел по сторонам и постоянно повторял себе: я не сплю, я не сплю... А вокруг возникали все новые и новые удивительные картины.

Вот пристань, где когда-то тесно прижимались друг к другу прогулочные корабли, речные трамвайчики, баржи и буксиры. Теперь это было самое настоящее, страшноватое, но живописное кладбище погибших кораблей. Черные от времени фрегаты, шлюпы и бригантины, с клочьями полуистлевших парусов, бахромой сгнившего такелажа, свисающего с покосившихся и треснувших мачт, обломанные реи...

Вот сама река, вода в которой была совершенно неестественного цвета — дикие переходы радужно-фиолетового в оранжевый, грязно зеленые полосы, чернильные разводы. Временами из-под воды вырывались огромные пузыри газов, что лопались, распространяя по округе невероятное зловоние. Костя мельком подумал, что в такой реке, конечно же,



не может быть жизни, но тут гном громко предупредил:

– Эй, от воды подальше, подальше держись!

Костя немедленно подался в сторону, и в тот же миг из пучины, вздымая разноцветные брызги, взметнулось нечто огромное и шлепнулось аккурат на то место, где он стоял всего лишь миг назад. «Что-то» оказалось пучком жирных фиолетовых щупалец на еще более толстом отростке, уходящем в воду. Щупальца пошарили по бетону и разочарованно поползли обратно. Но в тот же миг из вод поднялось что-то уж и вовсе невообразимое, оглушительно чавкнуло – и незадачливый обладатель щупальцев исчез за частоколом длинных и острых зубов.

– Что это?! – заорал Костяк.

– Плотва, – равнодушно сказал гном.

– Это что же с ней Игра сделала... – посетовал Костя, который все еще не пришел в себя от сознания перспективы быть съеденным дважды в течение пары секунд.

– Да, ну, – отмахнулся гном. – Она и до Игры не лучше-то была...

И тут Косте пришлось удивляться снова: на бетонном выступе, свесив над водой ноги в резиновых сапогах, сидел самый настоящий рыбак – довольно пожилого возраста! Рыбак был сонный, вяло покуривающий папиросу. Большой поплавок под массивным удилищем явственно дымился. Однако рядом с рыбаком виднелась целая россыпь поплавков, прочей рыболовной амуниции, а также топор и двуствольный

обрез...

Вдоль берега тянулись какие-то руины, напоминавшие останки древнеримских акведуков. Что это было в нормальной реальности – теперь трудно было себе представить. На крутом холме густой зеленой стеной начиналась настоящий густой лес.

– Коломенская Чаща, – небрежно пояснил гном. – Туда простым смертным путь заказан.

– А что такое?

– Злопамятный лес, – туманно пояснил гном. – Людей недолюбливает. Говорят – ест...

– А, ну тогда понятно, – сказал Костя, так ничего и не поняв.

Они подходили к жилому массиву, который издали напомнил Косте виденные по телевизору нагромождения живописных скал-столбов в американской Юте – таких же красноватых, дикой неопределенной формы, вызывающих ассоциации с пустыней и постоянной жаждой. Это место здорово контрастировало с негостеприимной, но живой и буйной растительностью Коломенской Чащи, и, казалось, людям здесь не место. Однако, когда они подошли поближе, то стало видно, что среди домов-скал притаились и вполне нормального вида многоэтажки.

Костя с удивлением увидел вполне будничную жизнь, в которой имели место многочисленные магазины, салоны связи, небольшие уличные рынки. На улицах играли дети,

сидели на лавочках строгие старухи. Только порхающие в воздухе автомобили вперемешку с крылатыми инспекторами ДПС постоянно напоминали о том, что расслабляться не следует.

Они долго плутали по дворам, которые теперь были совсем уж неотличимы от самых обыкновенных дворов «спальных районов». Разве что личины некоторых прохожих заставляли временами вздрагивать.

Наконец, в тихом уютном дворике провожатый подтолкнул Костю в подъезд какого-то многоэтажного дома.

– Ну, вот мы и пришли, – сказал гном. – Полезайте в лифт...

Костя полез.

– Теперь держись! – хитро сказал гном. Слишком уж хитро.

Костя едва успел найти, за что ухватиться – а это была то-чащее из стенки тяжелое железное кольцо – как с кабиной что-то произошло. У Кости создалось ощущение, что они не поднимаются вверх, а их крутит и кувыркает, словно в центрифуге для тренировки космонавтов. Когда Костя почувствовал, что его сейчас стошнит, причем обеими головами сразу, лифт вдруг прекратил свое безумное движение.

– Мы, что – в стратосферу поднялись, что ли? – сдавленно спросил позеленевший лицом Костя.

– Да нет, – пожал плечами гном. – На два этажа поднялись всего...

– А не проще по лестнице было бы, а?! – раздраженно гаркнул Костяк.

– Да, нет, не думаю, – произнес гном, снимая шляпу и протирая платочком вспотевшую лысину над плавательными очками. – Один как-то раз пошел – так его до сих пор ищут...

Архивариус смотрел на этого странного, Игрока, которому, по злой иронии этой Игры досталось аж целых две головы. Вполне сносных с виду, аккуратно постриженных, ровно посаженных на необычайно широкие плечи. Однако же вряд ли этот случай подходил под поговорку, когда одна голова хорошо, а две... Ну вы в курсе. Впрочем, по всей видимости, особых физических неудобств Игрок не испытывал. Его скорее раздражало собственное мнение головы-двойника.

Последнее обстоятельство, конечно, вызывало некоторые сомнения. Но вряд ли оно могло серьезно помешать делу.

– Итак, добро пожаловать в Волшебную Москву, Игрок номер семь, – торжественно сказал Архивариус. – Если только вечный день под черным солнцем может быть добрым. Вы прибыли к нам, как нельзя кстати. Я просил Волкопа подыскать мне человека для одного деликатного дела. И мой друг, как и следовало ожидать, не подвел меня. Как вам наш Волшебный Милиционер?

– Все менты одинаковые, – процедил сквозь зубы Костяк.

– Внушает доверие, – честно сказал Костя и отвесил несильную оплеуху второй голове.

Надо сказать, что болевые ощущения, причиняемые голове-паразиту, Костя странным образом ощущал, как на своей собственной. Но виду не подавал, чтобы голова с хитры-

ми уголовными наклонностями не использовала это ценное знание в собственных интересах.

– А вам, Костяк, я бы посоветовал сотрудничать с Игроком, – сказал Архивариус. – Это в ваших же интересах...

– За сотрудничество полагается вознаграждение, – хмуро сказал Костяк.

Архивариус проигнорировал это заявление. Он пил чай из закопченной железной кружки. Его примеру следовал и Костя, не забывая угощать вторую голову. Костяк пил жадно, сетуя на то, что это бодяга какая-то, то ли дело – чефир...

Они сидели в холодном бревенчатом зале, посреди которого полыхала жаром небольшая печка-буржуйка. Она не была здесь лишней – дальние стены были покрыты изморозью, кое-где с потолка свисали сосульки. Архивариус занимал плетеное кресло-качалку, Косте же достался тяжелый неокрашенный табурет.

Костя уже понял, что этот человек – весьма значительное лицо в его судьбе. То, что судьбой его на некоторое время станет таинственная Игра без правил – Костя уже успел усвоить. Что ж, этот вариант ничем не хуже, чем те, которые он предполагал себе отправляясь в неизвестность. Любая игра всегда лучше, чем вариант просто бесследно сгинуть. Ведь игра предполагает также и выигрыш.

Если повезет, конечно.

– Дело-то, в общем, простое, – сказал Архивариус, задумчиво глядя в огонь печи. – Да только в Игре любое простое

дело оборачивается порою такой чертовщиной...

Архивариус, кряхтя, наклонился, взял небольшое полено из стопки, сложенной рядом с печкой, и кинул огонь. Пошерудил в печи, рассыпая по полу искры.

– В общем, дело такое, – сказал он. – Ты должен будешь отвести одного ребенка в разбойничью крепость. То есть, в бывшее здание Университета на Воробьевых горах. Хочется верить, что ты справишься...

– Всего-то? – удивился Костя и улыбнулся. – А я думал, мне сейчас такое поручат, что хоть стой, хоть падай...

– Правильно, на черта нам сдался какой-то сопляк! – брякнул Костяк.

– Ты не дослушал меня, Игрок, – спокойно сказал Архивариус. – Это не просто ребенок. Это... Это бомба.

Архивариус помолчал некоторое время, словно прислушиваясь к самому себе.

– Это бомба, – повторил он. – Самая настоящая бомба с часовым механизмом. Но такая, что может взорваться в любой момент – и не один раз. И каждый раз последствия взрыва будут катастрофическими...

– Да ну, по-моему, вы преувеличиваете... – неуверенно улыбаясь, произнес Костя.

– Ты пока сюда шел, на солнце не перегрелся? – странным голосом спросил Архивариус.

Костя недоуменно пожал плечами:

– Да нормальный я... Или... вы про солнце?

Архивариус чуть кивнул.

– Это, что, он? – не поверил Костя. – Что, правда?! Да, ну, ладно... Сколько ему лет?

– Шесть, – внимательно глядя на Костю, произнес Архивариус.

– Я же говорю – сопляк! – снова влез Костяк. – А надо еще доказать, что это его рук дело! Будем еще носиться с каким-то младенцем, как с писаной торбой!

– Именно – как с писаной, – кивнул Архивариус. – Этот мальчишка – носитель страшной силы. Дело в том, что изначально в Игре должны были быть установлены специальные Правила, по которым Игра текла бы быстро, четко, имела победителей и проигравших, а главное – свой финал. И, конечно же, создание Правил поручалось взрослому. Но так уж вышло, что тот взрослый отказался от данного ему поручения. И теперь вся ответственность по созданию правил перешла к его сыну. Так Тема стал Магистром правил. Причем – еще задолго до своего рождения.

– Тема?

– Да, его зовут Тема. Уже тогда мы стали подозревать, что для ребенка Правила – вещь довольно условная. Вы помните себя ребенком?

– Ну...

– Попробуйте вспомнить. Как трудно было играть по правилам. А все эти «чур, не считается», «я в домике», «так не честно»? Дети придумывают правила на ходу – и тут же лег-



ко их нарушают. Детям невероятно трудно соблюдать правила. А теперь представьте, что ребенку предстоит создать Правила для Игры, ставкой в которой являются жизни миллиардов...

– Вы это серьезно?!

– Серьезней не бывает. Москва – это магический полигон, созданный неведомыми нам силами для наблюдения за людьми. А Игра – это своего рода эксперимент над нами. Уж не знаю – морального плана, политического или просто – на выживание. Так или иначе – мы поставлены перед фактом – от итогов этого эксперимента будет зависеть дальнейшая судьба человечества...

Костя недоуменно хмыкнул. Подобная информация усваивалась с большим трудом.

– И представь, – продолжил Архивариус, – что решение такой важности примет такой вот несмышлениш. Да это даже страшно себе представить! Вот и пришла пора отправить его туда, где мудрые наставники под защитой крепких стен будут учить его уму-разуму, прежде, чем придет время открыть ему тайну – кто он есть на само деле. Понимаешь?

– Что-то в голове не укладывается...

Архивариус подошел к полке и снял небольшую книгу. Сдул с нее пыль.

– Почитайте на досуге, – сказал он. – Это краткая история нашего тесного и бурного мира...

Костя взял в руки книгу. Яркими пульсирующим буквами

на ней мерцала надпись

## ВОЛШЕБНЫЙ ПОЛИГОН МОСКВА

Ниже, словно живые, двигались какие-то картинки. Вот какой-то парень с усилием выдирает камень из мостовой Красной площади, вот несутся в пыли какие-то всадники, вон странно изогнулась Останкинская башня.

И вдруг в глубине обложки ярко сверкнул отблеск ядерного взрыва, дохнуло жаром. Ослепленный Костя вскрикнул и выронил книгу.

– Сокращенно – «ВолПоМос», – усмехнулся Архивариус. – Лично я предпочитаю старые добрые электронные архивы. А то от этих книг – никогда не знаешь, чего ожидать...

Костя, испуганно моргая, осторожно поднял книгу и засунул ее в рюкзак. От греха подальше.

– Тоже мне, книголюб выискался, – проворчал Костяк. – Так с вами все зрение испортишь...

Костя отложил рюкзак и снова присел на табурет. Вернулся в свое кресло и Архивариус. Странно, все-таки, все было в этом мире. А тут еще этот мальчишка... Он-то, Костя тут причем? Он сроду не имел дела с детьми!

– А почему именно я? – спросил Костя. – Если вы так дорожите своим малолетним сокровищем – то и приставили

бы к нему кого-нибудь самого надежного. Того же Волкопа, например. Или вон, гаишники у вас почему зря летают – прилетели бы стаей, вжик – и дома!

Архивариус тихо рассмеялся:

– Если бы все было так просто! Понимаешь – это Игра. А все, кроме Игроков в ней – всего лишь статисты. Они не смогут защитить Магистра от зла. Потому что зло – оно всегда сильнее. А Игрок – на то и Игрок, что Игрой ему даны определенные шансы на победу. Иначе это просто не была бы Игра.

Архивариус решительно ударил себя руками по коленям:

– Кроме того, так сказали Архивы. Он не устанавливают Правила, но дают направление. Понимаешь?

– Нет, – честно сказал Костя. – Ну, шут с ними, с вашими Архивами. А почему вы не попросите об этом более опытных Игроков?

– Ну, понимаешь ли... – сказал Архивариус, – когда играешь в карты, нельзя брать хорошую и нужную карту – но из стопки «бито».

– Картишки? – встрепнулся Костяк. – Это я понимаю. Это ты, старик, хорошо сказал...

– Спасибо, – усмехнулся Архивариус. – Так что все это разговоры. Но идти тебе все-таки придется... Полина! Приведи, пожалуйста, Тему!

Костя с некоторым испугом рассматривал приведенного

Полиной мальчишку. Костяк смотрел на того с безгловым равнодушием.

Тема же с любопытством рассматривал диковинного двухголового дядьку, который неловко сидел на табуретке, рядом с дядей Архи. Дядька одновременно понравился – и в то же время ужасно не понравился Теме. Наверное, потому, что одна голова у него была умная и добрая, а вторая – злая и глупая, хотя, может быть, и хитрая.

Еще каким-то образом Тема понял, что дядька этот не простой человек.

– Ты – Игрок? – спросил Тема и тут же удивился своим словам. – Дядя Архи, а что такое «Игрок»?

Костя удивленно взглянул на Архивариуса. Тот, улыбнувшись, легонько приложил к губам палец, мол, «тихо, я сам».

– Игрок, Тема, – сказал Архивариус, – это тот, кто играет в игры.

– Так, значит, я тоже Игрок? – спросил Тема. – Я очень люблю играть. А в какие игры ты играешь?

Последний вопрос был адресован Косте. Тот замялся, не зная, что ответить. Все-таки, он не умел общаться с детьми.

Зато Костяк среагировал немедленно:

– Как – в какие? В преферанс, секу, в «козла»...

Получив незаметную затрещину от «носителя», Костяк запнулся.

– Не знаю такие, – растерянно ответил Тема. – Научишь?

– И чему тебя только тетя Полина учила! – покачал голо-

вой Архивариус. – А здороваться кто будет?

– Здравсьте, – сказал мальчик. – Я Тема.

– А я Костя, – сказал Костя. – А это – Костяк...

– Здорово, коли не шутишь! – осклабился Костяк.

– Ну, вот и познакомились, – потирая руки, сказал Архивариус. – Теперь – за дело. Полина, собирай Тему в дорогу. А мы с Костей обсудим его маршрут и планы на случай всяких неожиданностей...

Полина взяла Тему за руку и повела в другую комнату. И тут, видимо, до мальчишки дошло, что его собираются разлучать с любимыми дядей и тетей, передавая в руки какому-то подозрительному двухголовому страшилищу.

И Тема самым взрывным образом разревелся. Полина тащила его прочь, а мальчик упирался. Пытаясь вырваться, и, захлебываясь слезами, Тема выкрикивал протесты.

За этой сценой глазами, полными ужаса, наблюдало само двухголовое чудище.

– Попали... – гробовым голосом произнес Костяк и шмыгнул носом.

В этом Костя был полностью солидарен со своим неприятным «альтер эго». Надо полагать, что увиденное – только цветочки...

– Он очень добрый и послушный мальчик, – не очень уверенно произнес Архивариус.

Путь к разбойничьей крепости Университет большей частью проходил через метро. Но Архивариус настаивал, чтобы Костя со своим двуногим капризным грузом вошел в подземелье на другой станции – не на той, откуда они прибыли в место обитания Архивариуса. Выйти на поверхность тоже следовало не на станции «Университет», а в стороне. По мнению Архива это должно было помешать возможным недоброжелателям перехватить ценный живой груз на входе и выходе. Само же метро, по заверениям Архивариуса, было сравнительно безопасным местом.

– Там всем хозяйством заведует мой большой друг – Бригадир, – сказал Архивариус. – Просите у него любой помощи – он никогда не откажет...

Так Игрок номер семь с довеском в виде дополнительной головы и малолетнего Магистра, тронулся в путь. Первые метры от подъезда прошли довольно спокойно, и Костя уже успокоился было, решив, что не так уж и страшен тот самый черт, как Тема заявил:

– Хочу мороженого!

Костя покосился на Магистра. Магистр задумчиво ковырял в носу.

– Мороженого! – прогундосил он.

– Ну, и где я тебе возьму мороженого? – как можно спо-

койнее, спросил Костя.

– А вон киоск! – мальчик ткнул пальцем в какую-то бесформенную белую глыбу.

– Обойдется! – желчно вставил Костяк. – От соплей избавиться не может – и мороженого ему еще!

Скорее из духа противоречия к своей нелюбимой голове Костя решительно направился к тому, что мальчишка назвал киоском. Хотя больше это напоминало грязноватый айсберг, верхушка которого пробивалась сквозь треснувший асфальт. От айсберга ощутимо тянуло холодом. В нем имело место окошко.

– Э-э, – заглядывая в окошко, проговорил Костя. – Нам мороженого...

В окошке мелькнуло раскосое лицо в огромной меховой шапке и что-то затараторило на незнакомом языке.

– Мороженого дайте! – повторил Костя. – Сколько оно стоит?

В ответ раздалось то же непонятное бормотание.

– Что он там говорит? – спросил Костя у мальчишки.

– Не он, а она, – сказал Тема. – Продавщица. Она эскимосиха.

– Не эскимосиха, а эскимоска. И что ей сказать, чтобы она мороженое дала? – спросил Костя.

– Не знаю, – пожал плечами Тема. – Мы с ребятами чего только не говорили. Она не понимает. Я думал, может, у вас получится...

– Тьфу ты! – сказал Костя. – Ладно, пошли дальше...

– А мороженое? – заныл Магистр.

– В другой раз! – начиная злиться, сказал Костя.

Он схватил мальчишку за руку и потащил за собой. Тема упирался ногами и ныл. Костя проклинал себя за то, что связался в эту авантюру. Детей он любил все меньше.

Они подошли к большому мосту через реку, который предстояло преодолеть пешком. Здесь они встретили первое препятствие.

У моста наблюдалось заметное оживление. Множество странных существ в военной форме соорудили какое-то подобие блок-поста из мешков с песком и цементных блоков. Тут же стояла жуткого вида, покрытая окалиной и гарью бронированная машина.

Присмотревшись, Костя понял, что было не так с этими военными: у них были огромные перепончатые крылья, плотно сложенные за спиной. Крылья временами вздрагивали и чуть расправлялись. И тогда на них становились заметны прожженные и прорванные дыры. Довольно боевого вида были эти странные солдаты.

Выход на мост был прегражден массивным шлагбаумом, возле которого стоял зловещего вида часовой. Лицо его было покрыто копотью, глаза сверкали огнем.

– Куда? – прошипел он, и Косте стал виден его раздвоенный язык.

Тема испуганно ойкнул.



– Мы – на ту сторону, – не очень уверенно произнес Костя.

– Нечего вам делать на той стороне, – прошипел солдат. –

Вы что, не знаете, что объявлено военное положение?

– Кем объявлено? – пожал плечами Костя.

– Как – кем? – недоуменно произнес солдат. – Генералом, кем же еще! Враги погасили солнце, и теперь мы ждем нападения.

Костя хотел было возразить, но прикусил язык. Он заметил, что и маленькому Теме не терпится высказаться, а потому небрежно прикрыл его рот ладонью.

– Но нам нужно пройти... – начал было Костя.

– Не нужно! – отрезал солдат.

– Суров ты, однако, начальник, – хмыкнул Костяк, получив в ответ испепеляющий взгляд кроваво-красных глаз с узкими вертикальными зрачками.

Тема посмотрел на носки своих сандалий и тихо завел какую-то полузабытую считалочку:

*Аты-баты, шли солдаты...*

*Аты-баты, на парад...*

Костя понял, что пререкания здесь бесполезны. Путь через мост закрыт. А значит, до ближайшего входа в метро придется долго идти в обход...

В воздухе оглушительно пророкотали двигатели. Костя задрал голову и увидел, как пронеслась, кружась словно в

танце, стоя боевых вертолетов. Почему-то один из них – белый – летел позади, и двое других набрасывались на него, отгоняя от стаи. Потом изгой снова нагонял товарищей.

– Надо же – белая ворона! – усмехнулся Костяк.

– Ладно, идем, – сказал Костя.

И они поплелись дальше по пыльным улицам, скудно освещенным затененным солнцем. Общественного транспорта было не видать, да и Архивариус не советовал им пользоваться.

Тема, казалось, свыкся с мыслью, что некоторое время ему придется провести с этим дядькой, который стал для него уже просто дядей Костей. Его больше занимали новые впечатления от окружающего мира – ведь он никогда не покидал своего района, оберегаемый добрым Архивариусом и бдительной Кариной. А мир вокруг был наполнен чудесами, и полумрак затемненного неба только прибавлял тому таинственности.

Тема плелся чуть позади Кости и бормотал под нос очередную считалочку:

*Эники-беники ели вареники...*

*Эники-беники – боц!*

*Вышел зеленый матрос...*

– Ты кого там считаешь? – поинтересовался Костя. – Нас ведь всего двое...

– Нас, как минимум, трое! – возмутился Костяк. – А чего тебе не нравится? Пусть считает! Вот, в прятки поиграем, да, малец?

Тема посмотрел на двухголового дядьку и расхохотался:

– И куда ты будешь прятаться, голова?

– А будешь дразниться – не научу тебя в карты играть! Никогда! – хитро прищурившись, ответил Костяк.

– Нет, научи! – восторженно воскликнул Тема.

Он видел, как старшие мальчишки азартно «резались» в какие-то непонятные игры старыми, раздувшимися от времени картами. Особенно его поражало, что ребята играли на деньги – медь и серебро. Правда, дядя Архи говорил, что играть в карты – нехорошо...

– Если я не буду дразниться – научишь? – поинтересовался Тема.

– Ничему хорошему он тебя не научит, – сказал Костя. – Давай я лучше научу тебя в шахматы играть...

К этому предложению Тема остался равнодушен. В шахматы его давным-давно научил играть дядя Архи. И игра эта казалась очень скучной – ведь в ней не было запретного азарта, как в картах...

Они не видели, как в отдалении появилась прямо из воздуха и тихо последовала вслед за ними невысокая фигура в черном балахоне. Скучный свет ущербного солнца добавлял фигуре незаметности, и та неспешно плыла за Костей и Те-

мой, словно отделившаяся от них тень...

Наконец, они добрались до очередного входа в метро. По запасному плану Архивариуса сесть почему-то следовало на другой станции. Но плестись до нее еще несколько километров, когда малец уже начал ныть от усталости...

Какая разница? Ведь все станции одинаковы...

Они спустились в подземный переход, прошли мутноватые стеклянные двери. Тема испуганно смотрел по сторонам: в метро он никогда не был. А сейчас это место вовсе не было похоже на некогда бурлящий и нескончаемый людской поток. Здесь было тихо и печально.

Кассы оказались крест-накрест заколочены деревянными досками. Костя подумал, что зря он нарушил план. Не зря мудрый Архивариус настаивал на другом входе...

Но вдруг мертвые турникеты вспыхнули зелеными огоньками и развели в сторону свои жуткие отбойные молотки. Зашипел невидимый громкоговоритель, и раздалась торжественная музыка. Бодрый женский голос произнес:

– Московский метрополитен рад приветствовать в своих стенах нового Игрока и надеется на то, что он останется доволен нашими услугами. Напоминаем, что метрополитену по-прежнему требуются на место машиниста и помощника машиниста существа, проживающие и зарегистрированные на территории Москвы. Мы проводим бесплатное обучение...

Костя подхватил Тему под мышку и с опаской преодолел зловещий турникет. Тот не замедлил захлопнуться сразу же за его спиной. Тут же смолк и голос вместе с музыкой. Зато что-то громко стукнуло, и заработал стоявший до этого эскалатор.

Костя обрадовался было, да понял, что напрасно: здесь, почему-то, эскалатор был только один, и двигался он вверх. Ни справа, ни слева от него почему-то не было полагающихся дублирующих самодвижущихся лестниц. И это было странно.

– Косяк... – ухмыльнулась правая голова.

– Что ж, – сказал Костя, – Придется бежать навстречу... Хорошо, хоть вниз.

Тема подошел к краю эскалатора, удивленно посмотрел на странный эскалатор и вдруг возмущенно воскликнул:

– Но это же неправильно! По правилам ступеньки должны вниз ехать!

И тут что-то произошло. Раздался дикий треск, хруст и грохот. Из-под движущихся перил потянуло горелой электропроводкой. Эскалатор остановился.

И двинулся в обратную сторону!

Костя с некоторым страхом покосился на Тему. Тема, казалось, был удивлен не меньше его самого. И вроде бы даже испуган.

– Во дела! – воскликнул Косяк. – Малец, ты как это сделал?

– Я ничего не делал... – оправдывался Тема. – Совсем ничего.

– Да, ладно! – нарочито весело воскликнул Костя. – Главное – что не придется скакать триста метров, как антилопа-гну!

– А что такое антилопа-гну? – спросил Тема, тут же забыв про странное происшествие с эскалатором.

Костя не смог сразу ответить и пустился пространные описания, которые обрастали все большим и большим количеством «что» и «почему». В результате он чуть было не стал жертвой эскалатора: в конце пути мелкие зубцы порога опасно приподнялись, из глубины устройства донеслось утробное рычание. Костя, вскрикнув и подхватив мальчишку, с трудом перепрыгнул распахнувшуюся перед ним пасть, в которую убегала лента транспортера. Пасть лязгнула металлом и обиженно заворчала.

. – Екалэмане! – пробормотал Костяк. – Я чуть не обделался от страха...

– Выбирай выражения при ребенке, – заметил Костя.

– Ой! – ехидно воскликнул Костяк. – Костя у нас теперь папочка! Ути-пути! «Выбирай выражения», понимаешь! Вот пока не дашь покурить, буду говорить все, что захочу...

– Потерпи, успеешь еще покурить, – заверил Костя, осматривая платформу.

Платформа была здорово запущена. Здесь валялись целые груды строительного мусора и, помимо всего прочего,

огромная отрубленная голова какого-то животного. Дракона, как решил Костя, осторожно обходя голову стороной: голова была покрыта толстыми пластинами чешуи, имела огромные затянутые пленкой глаза, толстый раздвоенный язык и крайне неприятно пахла.

– Будем надеяться, что поезда здесь все-таки ходят, – с сомнением произнес Костя.

Однако сомнения его быстро рассеялись. Раздался свист, и из тоннеля лихо выскочил поезд. Это, конечно, не была какая-нибудь там экзотическая подводная лодка, но и обычным для метро составом поезд тоже не был. Впереди его был крепенький закопченный тепловоз. Тащил же он за собой сверкающие золотом пассажирские вагоны с большой надписью на каждом:

## ЗОЛОТАЯ СТРЕЛА

С шипом и скрипом состав остановился, и из ближайшего вагона на перрон вышел пожилой гном в форме проводника.

– Который тут Игрок? Заходи! – строго сказал он.

– Замечательно, – произнес Костя. – Можно подумать, меня тут поджидали...

– Конечно, ждали, – кивнул проводник. – Разве вы не знаете, что каждому Игроку, попавшему в метро, полагается

прокатиться на нашем поезде?

– Вообще-то, я не один, – сказал Костя.

Ему показалось очень подозрительным, что о его прибытии оповещены какие-то подземные проводники. Архивариус так печется о конспирации и безопасности – а о нем каждая собака знает...

– Ребенок до семи лет – бесплатно, – махнул рукой гном. – Попрошу побыстрее. Поезд ждать не может.

– А вот я не хочу туда идти! – заявил вдруг Костяк и смачно сплюнул. – Мне и здесь хорошо. Не люблю, когда мне укаывают.

Костя хотел было привычно осадить голову-паразита, да только на этот раз был с ней полностью солидарен.

– Спасибо, мы другого поезда подождем, – сказал Костя и присел на лавочку.

Там уже сидел Магистр и клевал от усталости носом, обняв Костин рюкзак и свесив ноги в сандалиях и норовя уснуть прямо в сидячем положении.

Поезд коротко свистнул. Проводник упер руки в бока и сказал тоном, не терпящим возражения:

– Вам что, особое приглашение нужно?!

– Отстаньте, – отмахнулся Костя.

Тогда проводник выхватил откуда-то свисток и от души в него дунул. Звука самого свистка Костя так и не запомнил, так как услышал истошный рев. Что-то невероятно сильное схватило его вместе с вопящим от страха Темой и засунуло



в тамбур вагона, швырнув следом и рюкзак. Проводник спокойно зашел следом и прикрыл дверь.

Поезд тронулся.

– А-а! – вопил Костяк. – Что это было?!

– Ничего особенного, – спокойно и как-то подчеркнуто доброжелательно сказал гном. – Это Станционный смотритель. Следит за порядком на станциях. А то некоторые, то и дело, норовят нарушить сложившиеся правила. Ведь все должно подчиняться определенным правилам...

– Да! – неожиданно воскликнул Тема, тут же перестав плакать.

Костя покосился на Тему и молча поднялся на ноги.

– Пойдемте, я покажу вам ваше купе, – сказал проводник. – А то дорога дальняя...

– И куда же ведет эта дальняя дорога? – усмехнулся Костя.

– В Магадан! – сделал круглые глаза Костяк.

– Нет, – улыбнулся проводник. – Всего лишь по Кольцевой линии. Только в Игре у каждого Игрока своя длина этого кольца...

Купе оказалось довольно уютным, и Костя, наконец, смог расслабиться – впервые за все свое пребывание в диковинном месте под названием Волшебная Москва. Благо маленький Магистр моментально заснул, свернувшись калачиком на соседней полке, и вторая голова отключилась самым чудесным образом. Перед Костей стоял стакан с недопитым

чаем в подстаканнике, что принес снова ставший вежливым проводник. Так, сидя, Костя и уснул.

Неизвестно, сколько прошло времени, когда вторая голова открыла глаза и непонимающе похлопала веками. Затем зевнула и с удовольствием хрустнула шеей.

– Все зеваешь? – спросил насмешливо-вкрадчивый голос.

– А-а? – испугался Костяк. – Что?! Кто вы?

Прямо перед ним, положив на столик руки в черных перчатках, сидел человек, лица которого не было видно из-за низко надвинутого черного капюшона. Он весь был в чем-то черном и бесформенном.

В уголке мягкой полки, на которой он сидел застонал во сне Тема. Ему, видимо, снилось что-то страшное. Костя пробормотал что-то невнятное, поводит откинутой назад головой, но так и не проснулся.

– Кто я? – усмехнулся пришелец. – Я был когда-то человеком. Потом стал Игроком. А теперь я – часть стихии, которую, почему-то многие считают злом. Я Доминатор.

Костяк глупо пялился на незнакомца, не зная, что сказать. Из-под капюшона раздался тихий смех.

– Вижу, мое имя тебе ни о чем не говорит. Впрочем, дело не в том, кто я. Дело в том – кто ты!

– А... А кто – я? – заикаясь переспросил Костяк.

– Вот видишь, такой простой вопрос – и ставит тебя в тупик, – глухо рассмеялся Доминатор. – Давай вспомним, что про тебя говорили знающие люди: «паразитарная голова»,

«часть личности с выраженными уголовными наклонностями». Фу-у, как грубо... Даже имени нет – одна только кличка. Не очень приятный диагноз...

– Ну, а что мне делать? – угрюмо отозвался Костяк. – У меня не только имени – и тела-то толком нет. Ни покурить, ни выпить, ни девок пощупать...

– Приятного мало, – согласился Доминатор.

– Да уж, – буркнул Костяк. – Это я и без вас знаю. Чего ж вам от меня, убогого надо?

– Мне? – удивился Доминатор. – Что ж мне может понадобиться от столь никчемной головы?

– Что?! – мигом вскипел Костяк.

– А вот если бы эта голова была с телом – ей бы нашлась интересная и высокооплачиваемая работа, а телу – множество всевозможных удовольствий, которые только доступны в Волшебной Москве, – спокойно сказал Доминатор.

– Так где ж его взять – тело-то? – уныло поинтересовался Костяк.

– Так вот же оно! – Доминатор ткнул пальцем в Костину грудную клетку.

Костя снова застонал во сне.

– Он не проснется? – забеспокоился Костяк.

– Нет, пока я здесь – не проснется, – усмехнулся Доминатор.

– Но Доктор сказал... – жалобно пробормотал Костяк.

– У меня есть свои доктора, – заверил Доминатор. – Ко-

которые все сделают в лучшем виде...

– А как же он? – Костяк покосился налево.

– А что он собирался с тобой сделать? – произнес Доминатор. – Таблетками вывести?

– Да уж, – уныло согласился Костяк. – А что, я бы не отказался от рук да ног. И еще кое от чего. А то привык до Москвы-то...

– Я свое обещание выполню, – сказал Доминатор. – Но и ты должен будешь мне кое в чем помочь...

– Как же я смогу вам помочь? – удивился Костяк. – У меня ведь кроме глаз и ушей своего-то ничего и нет...

– Вот и будешь моими глазами и ушами. Мне нужно знать, когда этот ребенок окажется на Черных Землях.

– Это еще где?

– Это территории Черного Риэлтера, моего хорошего знакомого. Вы обязательно пойдете через них – иначе в Университет не попасть. Тогда скажешь кодовое слово...

Доминатор сказал.

– Повтори!

Костяк, запинаясь, повторил. И тут же спросил:

– А почему вы не заберете мальчишку прямо сейчас, если он так вам нужен? Смотрите, он спит...

– Ты глупец, – желчно сказал Доминатор. – Стал бы я с тобой терять время на разговоры, если бы смог сделать это сам. Мне, Доминатору, в метро ход закрыт...

– Но вот же вы сидите!

Доминатор снова тихо засмеялся.

– Мне закрыта дорога в эти подземелья. Но мне открыт ход в твои сны. Запомни это!

Доминатор перегнулся через столик, опрокинув стакан с чаем, протянул длинную черную руку и вцепился в шею правой головы.

Костяк захрипел, понимая, что задыхается...

... И проснулся. Стакан с остывшим чаем по-прежнему тихо позвякивал ложкой...

Костя проснулся в испарине. Ему казалось, будто что-то душило его во сне, лишало живительного воздуха и хотело высосать из него самую душу. Такой сон не приносит отдыха, и Костя чувствовал себя совершенно разбитым. Он лишь бессильно чертыхнулся.

Постучали. Зеркальная дверь купе отъехала в сторону, и в образовавшемся проеме показался знакомый проводник. Он поправил фуражку и торжественно объявил:

– Ваша станция, господа, прошу на выход! Не забывайте в вагоне свои вещи, пожалуйста. Граждане пассажиры, будьте бдительны! В случае обнаружения бесхозных сумок, пакетов немедленно сообщайте проводнику. Уступайте места пожилым людям и гномам...

– Гномам всем уступать или только пожилым? – заспанным голосом поинтересовался Костя. – Уф... Лучше бы вообще не спал.

– Да уж, – как-то вяло ляпнул Костяк и посмотрел украдкой на левую голову. – Поспишь тут, как же...

Костя натянул рюкзак и растормошил спящего Тему. Магистр немедленно захныкал и принялся отмахиваться от настойчивых попыток привести себя в вертикальное положение. Наконец Косте удалось поставить малыша на ноги. Но это было только одно название – поставить. В действитель-

ности полусонный Тема просто висел, как сосиска, на руке, которую изо всех сил тянул вверх раздраженный Костя.

– Вставайте, граф, вас ждут... – бормотал Костя, проталкиваясь к выходу.

– Спасибо, – сказал Костя проводнику. – Особенно за настойчивость. Я прекрасно провел у вас время. А куда мы приехали?

– Не стоит благодарности, – гном лихо козырнул. – А выйдите – сами увидите.

Костя сначала поставил на перрон вялое, как желе тельце, а следом сам шагнул из вагона.

И тут грянуло. Сначала Костя и не сообразил, что происходит. Навалившийся на барабанные перепонки шум напоминал рев самолетных двигателей. Кроме того, слепили бьющие в глаза прожектора. Наконец, Костя понял.

Гремел огромный духовой оркестр. Не очень стройно, зато необычайно громко и бодро. Оркестранты, все, как один, были в оранжевых касках и синих потертых комбинезонах. Даже издали было понятно, что это те, кого здесь называли гномами.

Поскольку прямо под ногами начиналась ковровая дорожка, у Кости не осталось сомнений: таким впечатляющим образом встречали именно их.

Торжественный марш прервался какой-то фальшиво пискнувшей флейтой и неуверенно бухнувшим барабаном. Следом раздались аплодисменты, устойчиво переходящие в

овации.

– Эва как! – крикнул Костяк. – Сдается мне, нас не за тех приняли. Главное, чтобы теперь не побили с досады...

Весь этот шум имел и позитивную сторону: Тема, наконец, окончательно проснулся и теперь в полнейшей растерянности озирался по сторонам.

– Сейчас разберемся, – пообещал Костя, хотя совершенно не представлял себе – как он будет разбираться и, собственно говоря, в чем именно.

Однако гномы крепко держали инициативу в своих руках. Гнусаво крикнул над головой станционный громкоговоритель и разразился не очень членораздельной речью:

– Славные ра...ки метропо...на с радостью привет... наших ...их гостей! Всем изве... ..рячая дружба между нашим подземным домом и повер... Множество испыта... выпало на нашу пш-ш-ш-ш....

На этом громкоговоритель умер. Зато, расталкивая толпу зевак, к вновь прибывшим поспешил внушающий ужас гигант в таком же комбинезоне, только украшенном гирляндами аксельбантов, эполетами и прочими блестящими штука-ми. Его огромную голову венчала соответствующего размера каска со сверкающим острием.

– Бригадир! – понял Костя и, несколько оробев, сделал шаг назад.

Он был наслышан от Архивариуса про этого здоровяка, который страшен был, как в гневе, так и в проявлении доб-



рых чувств.

– Магистр! – заорал он. – Игрок! Какая встреча!

Он бросился обнимать Костю и тискать до смерти перепуганного Тему.

Оркестр немедленно разразился чудовищным саундтреком этой эпохальной встречи. Как ни странно, обошлось без переломов, и Бригадир громоподобно заговорил, заглушив оркестр, который тут же с позором оборвал мелодию.

– Я так рад, так рад, что нам доводится участвовать в этой замечательной секретной миссии! – радостно восклицал Бригадир. – Мы, гномы, все как один готовы приложить все усилия, чтобы помочь юному Магистру тайно добратся до своего нового дома! Миллион гномов поклялся свято хранить секрет этой миссии! Гип-гип – ура!

– Гип-гип – ура! – гаркнула толпа.

– Самый впечатляющий уровень секретности, про который я только слышал, – признал Костя.

Костяк лишь идиотски хмыкнул.

– Я в туалет хочу, – мрачно заявил Магистр.

Бригадир потчевал дорогих гостей за огромным столом, уставленным всевозможной снедью. Очевидно, гигант был совсем не дурак покушать. На столе громоздилась огромная, целиком зажаренная туша какого-то копытного, вокруг же все ломилось от всякого рода лангустов, омаров, всевозможных салатов, фруктов и напитков. Причем, никто, кроме Иг-

рока о двух головах и маленького Магистра больше приглашен не был.

– Нечего им расслаиваться за столами, – пояснил Бригадир. – Работать надо! Москва требует продукции!

Как известно, метро в Волшебной Москве – это не столько транспортная система, сколько разветвленная сеть по добыче экзотических столичных минералов, вроде Связей, Блата, Понтов, Гламура и еще многих и многих наименований «продукции», которую производят трудолюбивые гномы. Кстати, трудолюбие многих из них было отнюдь не природное – Именно благодаря Игре, в наказание за прежние грешки многие столичные жители были наделены красноносо-бородатыми личинами и сосланы сюда на каторгу – до конца Игры. Игра, как все давно знают, любит срывать маски и выставлять на свет подлинные лица. В чем Костя уже и убедился на собственной шкуре.

Стол находился в весьма живописном месте. Здесь, где одна из веток метро выходила в огромную пещеру, зиял чудовищной глубины карьер, на дне которого копошились самосвалы с породой и многие тысячи гномов-рабочих.

Видимо, Бригадир не видел в жизни большего удовольствия, чем любоваться работой своих подчиненных, даже за едой. Видимо, в «той» жизни он сам был неплохим работягой.

Тема с увлечением уплетал огромное мороженое из вазочки, а Костя задумчиво кормил икрой правую голову, слушая

непрерывно льющуюся речь Бригадира.

– Сейчас начинаем новый проект, – довольным голосом поделился он. – Решили прокопать штольню через центр Земли к Нью-Йорку. Вы же в курсе, что и там тоже идет Игра? Так вот, поскольку никаких законов по разработке Связей и Гламура пока нет, мы там, под городом, малость поскребемся. Глядишь – и Американскую Мечту найдем. А наши лобби в Госдуме пока пробьют подходящий закон. Я люблю, когда все строго, по закону. Это вам не беспредел в Черкизовской Орде.

Бригадир сердито засопел. Костя уже слышал от Архивариуса, что у Орды был серьезный конфликт с подземными жителями, и гномы в нем проявили себя не лучшим образом.

– А вообще, хорошо, что у нас появился новый Игрок! – воскликнул Бригадир. – Будет теперь, кому порядок в городе навести...

Костяк аж поперхнулся икрой, услышав это.

– А Волкоп на что?! – возмущенно сказал он. – Чего это мы полезем в ваши разборки? Мы друг с другом, вот, разобраться не можем...

– Это, что, тоже Игрок? – указав пальцем на правую голову, вежливо поинтересовался Бригадир, и Костяк прикусил язык.

– Это со мной, – пошутил Костя.

– Ну, если с тобой – тогда ладно, – сказал Бригадир. – Был у меня один знакомый Игрок. Послал я его в Думу, законо-

проект один пробивать. Ничего не вышло одни убытки. Все-таки, политика – это совсем другая игра, и правила в ней такие, что сам черт ногу сломит.

– По-моему, в политике вообще никаких правил нет и быть не может, – пожал плечами Костя. – Впрочем, я в этом ничего не понимаю.

– Кстати, о Правилах. Слышал я, что кое-кто просунул в Думу один забавный законопроект. Знаешь о чем он? В связи с тем, что местонахождение Магистра неизвестно, а сам он не достиг возраста дееспособности, Госдума сама примет все необходимые для Игры Правила! Смотри – вон он, мальчонка-то, мороженое уписывает! Куда ему против политиков...

– Вот те на! – удивился Костя. – А разве депутаты имеют на это право? В смысле – создавать Правила Игры?

– Ну, во-первых, никаких депутатов в Думе сейчас нет, – сказал Бригадир. – Разве ты не знаешь? Их отправили в этот, в виварий. И в Думе теперь всем заправляют их Голоса.

– Как это?

– Сам удивляюсь! А что касается правомочий – так кто-то у меня со склада утащил две тонны гранулированной Власти! И я даже догадываюсь кто. Если эта Власть попадет в лапы Голосам – глядишь, они и примут Правила-то. А какие законы они принимают – сам знаешь...

– А разве можно вот так запросто стащить Власть?

– Я тебя умоляю! – воскликнул Бригадир. – Так ведь по-

литики только тем и занимаются, что то и дело крадут Власть друг у друга! – воскликнул Бригадир. – Это еще что, в тот же день, усыпив охрану, украли у меня камень Правомочий! Так и недели не прошло – у Черного Риэлтера в руках оказалась Большая Хозяйская Печать – а вырезать ее можно только из камня Правомочий! И теперь, говорят, рейдеры терроризируют поверхность: при помощи Печати захватывают нормальные земли и превращают их в Черные...

– А-а, – кивнул Костя, хотя ничего из сказанного и не понял.

– Слушай, Игрок, – сказал вдруг Бригадир вкрадчиво. – Ты это, отведи Магистра, куда надо, и возвращайся. Знаешь, как нам Игрок полезен будет? Мы с тобой на пару просто горы свернем! Или пещеры...

– Хе, спасибо, конечно, за доверие, – вежливо сказал Костя. – Только какой вам от меня толк? К тому же, мне ведь надо участвовать в Игре, как я понимаю...

– Так кто ж в ней не участвует?! – воскликнул Бригадир. – Мы все давно уже по уши в этой самой Игре. И конца-краю ей не видно! Ну, были Игроки и до тебя – и что толку? Пока Игра не имеет Правил – она никогда не закончится. Это элементарно! Вот представь, что у нас с тобой на руках карты. Кто из нас выиграет?

– Смотря, во что мы играем. И какие у нас карты... – пожал плечами Костя.

– Так ведь мы, в этой Игре и не знаем, во что играем! –

воскликнул Бригадир. – Смотрим в свои карты – и каждый видит там, что хочет! Я вижу карту метрополитена, Генерал – тактическую карту местности, а что видит Черный Риэлтер – только одному черту известно, то есть, Доминатору. Так и живем.

– Я, все-таки, хотел бы, чтобы Игра побыстрее закончилась, – сказал Костя. – Мне надоело ходить с двумя головами...

– И мне надоело! – вякнул Костяк.

– Ладно, – вздохнул Бригадир, махнув своей огромной ладонью. – Веди своего Магистра, куда надо, а там видно будет...

Прикончивший полкило мороженого и заскучивший Тема неожиданно спросил:

– А кто такой Магистр?

Бригадир молча выпучил глаза на Костю. Костя сделал страшные глаза Бригадиру. Костяк захихикал. А что еще оставалось делать? Они уже целый час болтают про Магистра и его Правила в присутствии его собственной, Магистра, персоны, хотя Архивариус не давал Косте никаких правомочий раскрывать Теме глаза на собственную сущность. Просто Костю сбил с толку энергичный натиск Бригадира. Умел тот запудрить мозги, несмотря на свою рабоче-крестьянскую внешность.

– Магистр – это очень важный человек, – уклончиво сказал Костя. – От него зависит все, что происходит в нашем мире.

– А-а-а... – довольно равнодушно произнес Тема, и Костя облегченно вздохнул.

– Ладно! – решительно сказал Бригадир и поднялся, из-за стола во весь свой внушительный рост, а следом невольно подскочил и Костя. – Обещал, что помогу – значит, помогу! Пойдемте, покажу вам транспорт, который я для вас приготовил...

Они шли через грандиозные подземелья метро. Казалось, весь город перебрался сюда на постоянное место жительства. Видимо, так отчасти и было. Сначала Игра многих и многих превратила в гномов, заставляя отрабатывать в подземельях грешки «прошлой жизни». Затем, когда в город ворвалось Войско, а Черкизовская Орда принялась вовсю беспредельничать, многие горожане бежали сюда в страхе за собственное будущее, да так и остались. Благо, работы хватало, и Бригадир всегда был готов предоставить вакантное место коренному москвичу (к лицам, не имеющим надлежащей регистрации, он испытывал давнюю неприязнь – еще со времен своего конфликта с Ордой)

Теперь подземные владения Бригадира представляли собой живописную и совершенно беспорядочную мешанину кривоватых одноэтажных домиков под черепицей (благо, строительный материал был вокруг буквально везде), многочисленных мастерских и заводов с узкими, как бойницы, окнами и закопченными стенами, огромных вращающихся колес подъемников, и многочисленной, снующей туда-сюда,

техникой – преимущественно, рельсовой. Пространство было наполнено шумом и гамом, и при всем при этом вовсе не казалось тесным.

Все здесь кипело жизнью, интересом к собственному делу и оптимизмом. Костя мельком подумал, что эти люди, «приговоренные» к такой вот подземной работе, должны быть благодарны Игре за то, что та подарила им кусочек подлинной жизни, а вместе с ней – и простого гномовского счастья. А то – что они видели в «той» жизни, кроме взяток и вымогательства, постоянной мании накопительства, которому не видно ни конца, ни края, саун с девочками и постоянного страха за собственное добро, место в иерархии и саму жизнь?

Игра умела расставлять правильные акценты.

Бригадир шел впереди бодрым размеренным шагом, но Костя едва поспевал за ним с уставшим от бега Магистром под мышкой. Бригадир не терял времени даром, прямо на ходу раздавая направо и налево распоряжения самого разного свойства. И там, где и без того вовсю бурлила работа, с его появлением она начинала попросту кипеть. Для целей наибольшей доходчивости своих ценных указаний Бригадир использовал один из мегафонов, что гирляндой висели у него на шее. После особо грозных окриков мегафон начинал невыносимо хрипеть или замолкал вовсе, и тогда Бригадир просто выбрасывал его и брал очередной. Впрочем, когда Бригадиру требовалось гаркнуть совсем уж оглушитель-



но, он просто отставлял мегафон в сторону. И тогда Костя морщился от звона в ушах.

– Ну, чего так орать! – ворчал Костяк. – Урки и без того вкалывают, как проклятые. Самого его бы в рудники...

– Тебя в рудники, – отвечал Костя. – Жаль, только толку от такого мало будет.

– Неизвестно еще, от кого толку больше, – не унимался Костяк. – У меня просто возможностей никаких нет. А то бы я показал...

– Это хорошо, что у тебя нет возможностей, – говорил Костя. – Я тебя давно знаю: ничего хорошего от тебя не жди. Вечно какой-нибудь взлом на уме...

– А что, – возражал Костяк. – Взлом – это дело интеллектуальное. Не зря же мы столько книжек читали. А сколько тренировались, помнишь? Как начинали, вроде как бы рабочими на складе, где сейфы хранили...

– Я бы лучше и не вспоминал об этом, – скривился Костя. – Тошно...

– А я как вспомню – и на душе теплее, – расплылся в улыбке Костяк. – Как первый шифр раскрыли на новеньком таком ящике. Его еще и распаковать не успели, а мы уже его, как облупленного знали. И тогда я придумал выяснить – кому же его продадут, куда повезут, что хранить в нем будут...

– И выяснил, – с горечью в голосе сказал Костя...

– Да... – сладко протянул Костяк. – Это мы тогда хорошо зашли...

– Ладно, замолкни, – сказал Костя.

– А чего это? – нахохлилась правая голова.

И Костя сам себе показал кулак. Костяк, надувшись, замолчал. Ему было, что сказать, но он решил сделать паузу...

После довольно утомительного перехода, они зашли в широкий, ярко освещенный тоннель, который, очевидно, представлял собой какую-то крупную подземную железнодорожную развязку – настолько густо тут переплетались рельсовые пути, уставленные рядами поездов метро и вагонами с рудой.

– Вот и пришли! – торжественно объявил Бригадир. – Это ваше!

Сначала Костя не понял, о чем говорил Бригадир, так как ему было непросто ориентироваться в такой многообразии железнодорожной техники. Будь все это уменьшено в модельном масштабе и расположено на большом столе – любой мальчишка, или же какой-нибудь коллекционер, просто сошли бы с ума от восторга.

Но тут Костя увидел. И челюсть у него буквально отвалилась от изумления.

– Ух, ты! – восхищенно воскликнул Тема.

Это и было, действительно, самое настоящее «ух ты!». На отдельном пути, тускло отблескивая металлом, пробивающимся сквозь защитную окраску, стоял самый натуральный бронепоезд!

Это было настоящее паровое чудовище – то, о чем, на-

верное, мечтали все конструктора бронепоездов, но боялись произнести вслух. Скошенная, как у танков, броня на бортах была обильно увешена «активной защитой» и шашками для постановки дымовой завесы и «ложных целей». Несколько хитроумно расположенных башен – танковых и гаубичных – угрожающе выставили перед собой массивные стволы орудий. Длинные «горбы» поверху броневагонов намекали на наличие ракетных установок. Поэтому совсем неудивительными выглядели вращающиеся над вагонами серые цилиндры радаров. В центре всего этого милитаристического великолепия прятался почти неузнаваемый в броневом гриме паровоз, с характерным «чуханьем» выпускающий из-под массивных бронелистов густые порции пара.

У паровоза возился пожилой гном в военной каске (вместо обычной оранжевой). Растрепанной кистью он выводил на борту паровоза лихую надпись:

## **ВРЕШЬ, НЕ ВОЗЬМЕШЬ!**

– Вот это да! – произнес потрясенный Костя. – Даже не мечтал когда-то в этой жизни увидеть такое! Вот так чудище!

– Разве это чудище? – презрительно усмехнулся Костяк. – Вот несгораемый шкаф в «Бета Банке» – это действительно монстр так монстр...

– Вот это паровоз! – кричал в восторге Тема, бегая вдоль бронепоезда и трогая металл руками, будто желая убедиться – действительно ли такое чудо существует в природе.

– Да, – довольным голосом произнес Бригадир. – Моя любимая игрушка. Собрал на досуге собственными руками. Благо, деталей наверху было в избытке – после вторжения...

– Вторжения? – переспросил Костя, заморожено рассматривая железное чудо.

– Вторжения Войска, – кивнул Бригадир. – Когда началась Игра, связь с городом прервалась, и там, за границей Игры, наверное, решили, что с городом что-то не так. И взяли его в блокаду. Ну, а потом... Потом что-то случилось, и Генерал сам повел свое Войско на Москву. Ну и, как и следовало ожидать, Игра малость потрепала его, повыдергивала перья. И из этих самых перьев я собрал этот замечательный транспорт. Не буду врать – отдавать его вам жалко – сил нет. Но безопасность Ма... э-э... мальчонки дороже... Эй, мальчик, иди сюда!

Тема с опаской приблизился к великану. Тот засунул руку в один из многочисленных карманов комбинезона и вытащил оттуда горсть каких-то камней. На раскрытой ладони камни засверкали всеми цветами радуги. Их было штук пять.

– Держи, – добродушно сказал Бригадир. – Это настоящие кусочки Азарта.

Тема взял в руки камни и вдруг расцвел в счастливой

улыбке: казалось, он видит в них совсем не то, что представало глазам взрослых. Он тут же отошел в сторону, сел на точащую из-под рельса шпалу и разложил камни прямо на земле, в каком-то особом порядке...

– А ему это не навредит? – с сомнением поинтересовался Костя, в глазах которого тут же засверкали отблески этого многоцветия.

– Да ну, – легко отмахнулся Бригадир. – Это же такие камушки – они специально для игр и развлечений. Камни Азарта навредить могут только взрослому, тем более, если тот злоупотреблять ими будет, – но никак не ребенку...

– Так что вы там говорили про безопасность? – напомнил Костя. – Нам будет угрожать что-то серьезное? Неужто и здесь, в метро?

– Теперь, когда над городом появилось черное солнце – всего ожидать можно... – вздохнул Бригадир.

...Локомотив издал оглушительный рев, и стальная громада медленно сдвинулась с места. Мелькнуло растроганное лицо гиганта-Бригадира, и бронепоезд нырнул в тоннель.

Сидя в штабном вагоне, Костя с удивлением осматривался. Тема, не в силах усидеть на месте, бегал вдоль стен, осматривая устройство вагона, и издавал радостные возгласы, разговаривая с самим собой.

Интерьер чудо-машины был не менее внушителен, чем экстерьер. Только еще более экстравагантен. Начать с того,

что по какой-то причуде дизайнера (а надо полагать, это был Бригадир собственной персоной), все здесь было выполнено в каком-то средневековом стиле. Дерево, гобелены и... рыцарские доспехи с полным вооружением вдоль стен. Доспехи мерно покачивались и позвякивали по ходу поезда, создавая иллюзию вполне живых существ.

Костя сидел на огромном, ужасно неудобном деревянном троне, который, видимо, был сделан по меркам Бригадира. Перед Костей был намертво привинчен к полу стол с письменными принадлежностями: стопкой желтоватой бумаги, массивной чернильницей, пресс-папье и стопкой гусиных перьев в костяном стаканчике. Странное, все-таки, представление о бронепоездах было у его создателя...

Мимо Кости то и дело сновали озабоченные гномы в надетых на нос касках, не забывая каждый раз лихо козырять. У Кости даже сложилось впечатление, что они специально бегают мимо него с одним желанием – вот так вот гордо козырнуть и щелкнуть каблуками. В раструбах внутренней связи раздавались совершенно непонятные, но довольно бодрые команды. В общем, жизнь бурлила и здесь, на этом движущемся островке суетливой цивилизации гномов.

...Устав от впечатлений, Тема тоже подсел к столу. И высыпал на его поверхность несколько маленьких, тяжелых с виду камешков. В них Костя узнал те самые кусочки Азарта. Теперь, присмотревшись, он понял, что камушки не бесформенные – они чем-то напоминали фишки для настоль-

ных игр или даже стилизованные фигурки людей. Камешков было пять – красный, синий, зеленый, желтый и белый. Тема взял белый камень и поместил его в центр, расставив другие вокруг. Он склонился над столом, положив подбородок на его краешек, и стал смотреть на свои игрушки как-то сбоку.

– Во что играем? – поинтересовался Костя.

– В «Монополию», на деньги! – немедленно вставил Костяк.

– Еще не придумал, – отозвался маленький Магистр, не меняя позы.

Так, молча, они посидели еще некоторое время, пока Тема не заговорил каким-то странным, чужим голосом:

Взял я камень-самоцвет,  
И сказал ему: «Привет!»...  
Если камень кто возьмет —  
Сразу камень оживет...

Костя не сразу понял, что это – какая-то незнакомая детская считалочка. А догадался потому, что в такт словам Тема стучал указательным пальцем напротив одного из своих камешков-фишек. Выбрав таким образом один из камней – синий – он взял его, поднес к глазам и что-то тихо прошептал.

Что именно прошептал – Костя так и не разобрал. Поезд внезапно дернулся, под полом что-то отвратительно заскрежетало, раздались приглушенные крики гномов.

Они остановились.



– Где ты, Светочка, ау!

– Ба, я спряталась! Найди меня!

– Светик, перестань пугать бабушку! Будешь от меня прятаться – заблудишься. А здесь волки водятся! У-у!

Карина Ильинична насупилась и изобразила, как волк делает «У-у!». Надо сказать, что получилось это у нее довольно зловеще. Из зарослей какого-то кустарника раздался приглушенный детский смех.

– Да бросьте вы, Ильинишна, какие здесь волки? – махнул рукой мужичонка средних лет, облаченный в затасканный плащ и мятую фуражку.

Был мужичонка покрыт трехдневной щетиной и преждевременными вертикальными морщинами. Помимо красного обветренного лица, свидетельствующего о регулярном употреблении алкоголя, он имел при себе старую двустволку шестнадцатого калибра и отвратительно-зеленые сапоги. Мужичонку звали Семеном, и был он местным лесничим.

Вообще говоря, никто не хотел работать на этой низкооплачиваемой должности в местах, где и пожить-то было особо нечем, и с браконьеров мелкой дани тоже не собрать. Да и чего скрывать – браконьеры не больно-то желали испытывать судьбу, бродя по лесам вблизи границы Локализации. Это раньше, когда лес здесь считался вымирающим,

вокруг вовсю бурлила активная хозяйственная деятельность, граничащая с тотальным уничтожением леса.

Ну, а потом здесь стали пропадать люди. Официально считалось, что исчезали они, случайно забредя на территорию Локализации. Но местные такое рассказывали, что кровь стыла в жилах. Впрочем, сколько их осталось, местных-то...

А вот Карина Ильинична – она женщина не из пугливых, даром, что пенсионерка. Хотя та еще пенсионерка, надо сказать, такая что, если бы, скажем, Семен хватил, как следует, для храбрости, то и ого-го!

Семен мечтательно причмокнул и откашлялся.

Да, в старину такую бы бабенку боялись и уважали. Потому как знала она толк в разных травах и тайных заговорах. И мать у нее такая была. И бабка. И вот, внучку свою за собой в лес потащила. Приучает к своему ведовству-то, небось...

– Ильинишна, вы в ту сторону-то, все-таки не ходите. Где-то поблизости все и начинается...

– Хорошо, касатик, не буду. Только, вот травки одной нарву. Редкая она. Приворотная, хе-хе... Удивительно, откуда ее столько стало? Раньше – днем с огнем не отыскать было...

– Так экология улучшилась, Ильинишна! Раньше здесь все вытаптывали, да ломали. Одних грибников целые стада ходили. Ну, а теперь – тишь, да благодать...

– Постой, постой... А внучка-то где? Света-а!

Карина Ильинична, нахмурившись, оглядывала густые за-

росли.

– Ба, я здесь! – донеслось издалека. – Я грибок нашла!

– Вернись немедленно! – строго крикнула Карина Ильинична. – А ну, за ней! Не дай бог, потеряется...

Семен пошел напрямик, через кустарник, пролагая путь для пышнотелой бабули. Карина Ильинична не отставала. Вскоре они увидели стоящую на коленках девочку лет шести. На девочке было яркое желтое платье и кеды веселой расцветки с точащими из них съезжившимися белыми носками. Волосы были светлые и прямые, до плеч, а из-под прямой челки выглядывала удивленная физиономия, до смешного похожая на бабушкину.

– Вот ты где! – всплеснула руками Карина Ильинична. – А мы думали – все, потерялась.

Семен только лишь крякнул в знак согласия со словами бабушки. Ему ужасно понравилось, как Ильинична, запыхавшись после марш-броска, расстегнула еще одну пуговку кофточки над своей могучей грудью.

– Ба, смотри какой грибок! – не поднимая головы, сказала маленькая Света.

– Ну, что, грибок, как грибок, – улыбнулась бабушка, нагибаясь над внучкиной находкой.

– Правильно, – раздался снизу тонкий сварливый голос, – что тут смотреть? ЛСДшного грибка не видели, что ли?

Глаза у Карины Ильиничны сделались круглыми. Она

быстро извлекла из корзинки и водрузила на нос очки в тонкой оправе и тоже опустилась на колени, приблизившись к небольшой покрытой мхом кочке.

Прямо ей в лицо маленькими оранжевыми глазами смотрел гриб под морщинистой шляпкой.

Гриб моргнул. Карина Ильинична ахнула.

– Хари Кришна! – сказал гриб и кашлянул. – Хари Рама! Люди, будьте добры друг к другу и к грибам! Делайте любовь, а не грибной суп! Лав, лав, лав! Лав, дав, лав!.. Лав, лав, лав, итс и-изи!

Последние слова гриб пропел акапелло на известную мелодию группы «Биттлз» вместе с еще несколькими грибами, что вылезли на шум из-под мха. Все грибы сияли оранжевыми глазами и заразительным оптимизмом.

Света залилась счастливым смехом:

– Какие веселые грибы!

– Да, уж, – хохотнув, сказал Семен. – Помню, одно время повадились к нам за ними одни весельчаки...

– Это... – пробормотала Карина Ильинична и неуверенно пригрозила внучке пальцем. – Это нехорошие грибки!

– Хорошие! – хором крикнули из-под ног грибы. – Еще никто не жаловался!

И залились жизнерадостным смехом.

– Что же это такое? – испуганно произнесла Карина Ильинична. – Мы что же, на солнце перегрелись? Так нет же, в тени все время...

– Да просто показалось, – попытался успокоить Ильинишну Семен и погладил ее по покатоному плечу. Та рефлекторно сбросила с себя шаловливую руку и сказала довольно недобрым голосом:

– Слушай, ты, лесник-затейник! Ты куда это нас завел? Я для чего тебя брала? Чтобы случайно в Локализацию не забрести! Ну, и как прикажешь объяснить эти грибочки?

– Смешные! – воскликнула Света и в восторге подпрыгнула на месте.

Грибы под ногами грянули ответным хохотом. Теперь в странных грибах была вся полянка – будто они сползлись сюда со всего леса на неожиданное веселье.

– Ну, грибочки как грибочки, – пожал плечами Семен. – Иной раз с утра откушаешь белой – так в лесу и не такое мерещится...

– Так мы с внучкой что-то с утра – ни в одном глазу! – уперев руки в бока, ехидно сказала Карина Ильинична. – Чего ж тогда нам всякие странности мерещатся?

– А! – крикнул в друг с низу один из грибов. – Смотрите – чудовища!

Карина Ильинична, Семен и Света посмотрели под ноги. Оттуда на них смотрели сотни наполненных ужасом оранжевых глаз.

– А-а! – заголосили грибы на разные голоса. – Монстры!  
– Пожиратели!  
– Ха-ха-ха!

– Спасите!

– Измена!

– А-а! не трогайте меня! Руки!..

И грибы с громким чпоканием сорвались с грибницы и поползли прочь от людей.

Семен задумчиво проводил их взглядом.

– Вообще, я все в этом лесу знаю, – тихо сказал он. – Сколько, чего и где растет. Сколько было в прошлом году и сколько вырастет в следующем. Какой ущерб бывает от засухи, от ветра и ливней. Могу даже пересчитать все это на государственные и рыночные цены. Но вот, что правда, то правда: грибы у меня еще не бегали...

– Веди нас домой, Сусанин! – с угрозой в голосе сказала Карина Ильинична.

Семен пожал плечами, и они двинулись через лес.

Через несколько минут показалась опушка, и они вышли на открытую местность. Далеко впереди был виден огромный город.

– Москва... – тихо констатировал Семен.

– Ты что обалдел?! – прошипела Карина Ильинична. – Какая Москва?! Она же в Локализации! Давай обратно.

Семен покорно повел своих подопечных обратно, но внутренний холодок говорил ему, что хождения эти напрасны. Маленькую Свету бабушка крепко держала за руку, девочка шла покорно, но уже начинала хныкать – она устала.

И, правда: не сделали они и ста шагов, как впереди снова

забрезжил свет.

Они вышли из леса в том же самом месте.

Попытку повторили еще раз. С тем же результатом. После чего Карина Ильинична сказала суровым голосом:

– Все, приехали. В Локализацию ты нас завел, полупроводник хренов.

– Ба, ты сказала нехорошее слово, – тихо произнесла Света и шмыгнула носом.

– Вот именно, – сердито отозвалась бабушка. – Добега-лись мы за тобой, внучка. Теперь придется еще больше по-бегать!

– Я не хотела... – всхлипнула девочка.

– Ладно-ладно, – сказала бабушка. – Утри нос. Ну, что делать? Веди нас, лесник, в Москву. Показывай дорогу.

– А я... Я никогда в этой Москве не был... – пробормотал Семен.

– А какая разница? Уже хуже от этого дорогу ты знать уже никак не будешь...

Когда, совершенно усталые и измотанные, они выбрались на пустынное шоссе, их уже ждали.

Посреди дороги, прямо на осевой полосе стоял украшен-ный с ног до головы черными и белыми полосами инспектор ДПС Горемыкин собственной персоной. Увидев приближа-ющуюся компанию, он развел руками, словно узрев дорогих друзей, и дрогнув стрекозиными крыльями, слегка припод-

нялся над землей.

– Кого я вижу! – воскликнул инспектор. – Сразу три Игрока за смену! Какая удача! Это хороший, просто замечательный знак!

Карина Ильинична недоуменно достала спрятанные было очки и снова водрузила их на переносицу.

– Что такое?.. – недоуменно произнесла она.

– Ба, смотри, он летит, летит! – воскликнула внучка.

– Дела... – пробормотал Семен и достал из кармана мятую пачку «Примы».

Однако, взглянув на нее, он почувствовал незнакомое раньше отвращение.

Почему-то хотелось сигару...

– Что за напасть, – пробормотал ошарашенный лесник и отбросил пачку в сторону.

Все в том же положении, с распростертыми объятьями, умиленно улыбаясь и склоняя голову в фуражке то в одну, то в другую сторону, Горемыкин подлетел к потрясенным путникам. Под его форменными ботинками металась пыль, словно под зависшим над землей вертолетом.

– Рад, очень рад! – тожественно произнес Горемыкин и взмахнул полосатым жезлом.

Посыпались звонкие искры, и в руках у Карины Ильиничны оказался огромный букет из ароматных разноцветных роз.

Радостно взвизгнула Света: теперь она сжимала краси-



вую, как фея куклу Барби.

– Привет, крошка, – сказала Барби, улыбнувшись девочке. – Как жизнь? Мальчишки не достают? Ой, слушай, ты знаешь Кена? Он такой зануда... Читала последний «Космо»? Нет? Ну, ты даешь, подруга! А посмотри, какие я себе ногти нарастила...

Семену оставалось только изумленно выпучить глаза: во рту у него торчала уже зажженная, невероятно ароматная сигара.

– Добро пожаловать на гостеприимную, хе-хе, местами, московскую землю...

– Что... что здесь происходит? – дрожащим голосом спросила Карина Ильинична.

Семен ничего не спрашивал. Он прятался за клубами пахучего дыма.

– Вы скоро все сами поймете, – весело ответил Горемыкин. – А пока я должен помочь вам добраться до города...

Он сделал в воздухе ловкий пируэт и подал кому-то знак рукой. Раздался кричащий сигнал, и из-за кустов плавно и тяжело, словно подкрадывающийся к жертве крокодил, выкатил тяжелый милицейский автомобиль.

– «Бентли» – машинально произнес Семен.

– О! – сказал Горемыкин, – Вы разбираетесь в машинах?

– Вообще их не знаю, – развел руками лесник. – Что-то вырвалось...

– Ну, это не удивительно, – хитро улыбнулся Горемы-

кин. – Волшебная Москва раскрывает в человеке совершенно неожиданные качества. И тем более – в Игроке.

Так ничего и не поняв, вся троица погрузилась на заднее сиденье «бентли». За рулем сидел молчаливый гаишник с огромным пузом, упирающимся в руль и какими-то неуставными усами: они торчали далеко в стороны и лихо закручивались колечками.

Света, не в силах оторваться от подарка, о чем-то тихо шушукалась со своей куклой.

Карина Ильинична, казалось, пришла в себя от шока и теперь в ее глазах появился какой-то зловеще-задорный огонек.

Садясь в машину, Семен затушил и выкинул сигару, чем снова удивил себя: в другом случае он бы заныкал ее, недокуренную, в карман – до лучших времен. А сейчас он наслаждался этим дорогим авто и думал, что такой, пожалуй, ему подойдет. Только кожу для сидений он бы предпочел более тонкой выделки. А еще он глянул мельком на сидящую рядом, за худосочной Светой, Ильинишну и ужаснулся: как он мог желать такую старую и неаппетитную особу? Нет, сейчас он бы предпочел женщину куда более престижной внешности...

Непонятно как влезший со своими крыльями на переднее пассажирское сиденье, инспектор Горемыкин завел долгую историю об Игре, Игроках и их роли в жизни Волшебной Москвы.

Конечно, усвоить эту информацию было не так уж просто. Заметив перегруженность Игроков информацией, Горемыкин махнул рукой:

– Ну, ладно. Моя задача – довести вас до ближайшей станции метро. Там сядете на «Золотую стрелу» – и все встанет на свои места...

– Молодой человек, – вдруг вкрадчиво спросила Карина Ильинична. – Я вижу, вы владеете магическими приемами... Мне, как любительнице этого дела, было бы интересно с вами побеседовать...

– А, вы тоже из любителей? – понимающе покачал головой Горемыкин. – К сожалению, ничего интересного я вам рассказать не смогу, Игрок номер девять. Игра есть Игра, и в ней инспектора ДПС летают и исполняют добрые желания. Вот, у вас есть желание?

– Домой хочу... – сказала вдруг Света.

– А этого, детка, нельзя, – развел руками Горемыкин. – Теперь ты – Игрок номер десять. Хочешь мороженого?

– Не-ет! – захныкала Света, я к маме хочу...

– Так слушай, что я тебе скажу, подруга... – встряла в разговор Барби, ухватившись за Светин палец, и та немедленно переключилась на общение с куклой.

– Я бы хотела узнать, чего от нас нужно этой Игре, – тихо, но твердо, сказала Карина Ильинична.

– Я бы хотел ознакомиться с политической и экономической ситуацией, посмотреть новости и биржевые сводки, –

неожиданно заявил лесник Семен.

Карина Ильинична наградила того недоуменным взглядом, но промолчала.

– Все, все будет, – заверил Горемыкин. – Только после «Золотой стрелы». Я исполняю более простые желания...

– Тогда хочу одеться поприличнее и...

Не дожидаясь конца этой фразы Горемыкин коротко взмахнул жезлом, и бывший лесник, а теперь Игрок номер восемь, понял, что сидит на заднем сиденье роскошного автомобиля, в костюме от «армани», гладко выбритый и стильно причесанный, а на рукавах его белоснежной батистовой рубашки сверкают бриллиантовые запонки.

# **Часть вторая**

## **РЕЙДЕРЫ**

### **ВОЛШЕБНОЙ МОСКВЫ**

#### **–1–**

В ворота постучали. Марина невольно поморщилась.

Вообще-то, «постучали» – это не совсем то слово. Скорее, трижды хорошенько треснули. Не всякие ворота выдержали бы такой «стук». Но эти принадлежали крепкой и гордой крепости, что все еще носила высокопарное имя – Университет. Хотя и студенты, и профессора в ней давным-давно потеряли подобающий облик и забыли первоначальные цели существования этого храма науки...

Студенты когда-то чудесным образом преобразились в самых натуральных разбойников – грозой прилегающих к Университету окрестностей, а также того, что плохо лежало и на других концах Волшебной Москвы. С момента Старта Игры прошло уже добрых семь лет, и будь разбойники простыми студентами, им предстояло бы давным-давно выпуститься и начать честную трудовую деятельность.

Но Игра диктовала свои условия. И за пределами разбойничьих «общаг», вне вольного братства ничего хороше-

го разбойникам не светило. Тем не менее, конкурс в Университет по-прежнему был весьма высок. Многим юным жителям Волшебной Москвы хотелось попасть в престижную крепость и начать беззаботную и безответственную жизнь «джентльмена удачи». И потому им приходилось держать суровые экзамены на право вступить в лихое разбойничье братство.

Уже первая встреча с замшелыми пнями и корягами приемной комиссии намекала на непростое будущее абитуриента. Несмотря на изрядную трухлявость, коряги из числа бывшего профессорско-преподавательского состава были невероятно черствы и подозрительны. А потому прорваться сквозь этот заслон и получить заветный разбойничий билет удавалось немногим. Потому не удивительно, что многие искали самые разнообразные, порой экзотические, способы, чтобы попасть в крепость. Взятки, правда, в Игре не котиrowались.

Но тот, кто сейчас упорно колотил в ворота вряд ли был наивным абитуриентом.

– Вот, снова! – кивнул на ворота до пояса голый, густо татуированный разбойник. – С самого утра долбят!

– Пытались через окошко с ними говорить – ничего не хотят слушать, – добавил второй, худой, заросший густыми длинными дредами.

– Понятно, – сказала Марина. – Я вижу, желание пообщаться них довольно стойкое. Что ж, я удовлетворю его...

– Атаманша, – осторожно сказал татуированный. – А вдруг это какой подвох? Может, это только повод для того, чтобы мы открыли ворота...

– Что-то я не узнаю тебя, Крюгер, – усмехнулась Марина. – С каких это пор ты стал таким осторожным?

– Я не столько осторожный, – насупился Крюгер, – сколько просто не знаю, чего ожидать от ЭТИХ.

– Мы закроем внутренние ворота и поставим усиленную охрану, – сказал второй разбойник, тот, что был с дрэдами. – Я уже свистнул наверх. Еще и любители подтянутся, на всякий пожарный случай...

– Молодец Веник, – Марина несильно хлопнула того по плечу ладонью. – Так и поступим...

Ворота с противным скрежетом поползли в стороны. Прямо от ворот начинался подъемный мост, который вел через глубокий ров, наполненный соляжкой. В мирное время поднимать мост не считали нужным. «И зря», – мрачно подумал Крюгер.

Марина сделала несколько неспешных шагов вперед.

Станный сумрак затянувшегося солнечного затмения заставлял пристальнее вглядываться в окружающее пространство. Но не нужно было быть чрезмерно информированным, чтобы понять, кем были те, что предстали сейчас перед ней. Ее гости уже успели составить себе специфическую репутацию в Волшебной Москве. И по сравнению с ней сложив-

шийся образ разбойников мог быть приравнен к имиджу мелких уличных хулиганов.

Перед Мариной стояла пара дорогих, лощеных, чистеньких и отутюженных, прямо «с иголочки»... костюма. Прямо-таки звенящих пустотой и легким сквознячком в рукавах и дырах на месте шеи.

Оба костюма были плодом дизайнерских изысков бренда «Гуччи». Не лишним будет заметить, что обувь под костюмами также наблюдалась самая, что ни на есть, престижная.

– Здравствуйте, – сухо вато донеслось со стороны одного из костюмов, того, что был с модным красным галстуком. – Мы к вам по делу.

– По официальному делу, – добавил второй костюм и поправил на себе и без того идеально завязанный синий галстук в косую полоску.

Природа этого движения осталась неясной, как и происхождение голоса, и висение под рукавами толстенных дорогих портфелей – рук и голов у костюмов не наблюдалось.

– Я вас слушаю, – насмешливо отозвалась Марина, хотя в душе ей было не так уж весело. – Только вы же знаете – наше братство не ведет никаких официальных переговоров. Нам вообще плевать на все официальное.

– Это ваше право, – сказал красный галстук. – Но у нас есть решение Арбитражного суда Волшебной Москвы...

– Уже вступившее в законную силу, – добавил синий в полоску галстук и перед лицом Марины возник тускло-желтый



лист бумаги с мелким текстом и гербовой «шапкой».

– ...о том, что бывшее здание Университета...

– ...и прилегающий земельный участок!

– ... передаются в собственность Единой Риэлтерской компании...

– Вы хотели сказать – Черному Риэлтеру, – оборвала речь костюмов Марина.

Она больше не улыбалась.

Ну, вот, подумалось ей. Они добрались и до Университета. Конечно, никто из разбойников и не подумает просто так оставить родную крепость. Но речь этих жутких порождений волшебной бюрократии ставила Марину (и не только ее) перед фактом.

Им снова придется сражаться. Сражаться не на жизнь, а на смерть, с силой, которая кажется совершенно несокрушимой, безжалостной и мрачной. Потому, что за этой силой стоит власть зловещей Большой Хозяйской Печати.

– Можно сказать и так, – отозвался красный галстук, и в голосе его послышалась насмешка. – У вас есть десять дней, чтобы покинуть здание. После чего мы будем вынуждены применить силу...

Сказав это, костюм совершил рукавом какое-то резкое движение. Марина с тяжелым сердцем оглянулась назад.

Так и есть: прямо над воротами, мерцая мертвенной синевой на битых многочисленными осадами стенах, красовался огромный, чуть размытый круг Большой Хозяйской Печати.

Марина мрачно посмотрела на незваных гостей. Там, за их спинами, начиналась мертвая и бездушная полоса Черных Земель. И скоро то величественное здание, что давно стало ей родным домом, будет поглощено этой разрастающейся раковой опухолью равнодушного зла....

– Катитесь к черту! – недобро произнесла Марина и направилась назад, к воротам.

– Мы знали, что вы так и ответите, – ехидно бросил вдогонку красный галстук.

– Мы знали! – поддакнул синий в полоску.

– И скоро мы придем с исполнительным листом!

– И хорошей поддержкой!..

Ворота захлопнулись.

Марина постояла некоторое время, глядя на разбойников и подошедших магов-любителей. И, не выдержав, разрыдалась, осев на холодный мрамор ступеней.

Подошедшие к воротам любители переглянулись.

Здесь была вся звездная троица: Криста, Богдан и Эрик. Когда-то они пришли в город, чтобы найти здесь настоящих магов, которые могли бы поделиться с ними секретами волшебного мастерства. Магов они так и не нашли. Зато обрели друзей – совсем не лишнее приобретение в недобром мире магических стихий и жестоких конфликтов.

– Что случилось? – спросил Богдан.

– Рейдеры приходили, – мрачно сказал Крюгер.

– Наложили на наши стены отпечаток своей проклятой Хо-

зыйской Печати, – потерянно добавил Веник.

Любители переглянулись.

– Может, попытаемся вывести ее своими силами? – неуверенно спросил Эрик.

– Нет, такое не под силу даже Наставнику, – покачала головой Криста. – Здесь сила не одного отдельного мага. Это магическая стихия. Печать ведь сделана из камня Правомочий...

– Ну, да... – мрачно согласился Богдан.

Некоторое время разбойники и любители обменивались невеселыми репликами, которые, конечно же, не могли решить ситуацию.

Сила магической стихии заложена в природе, ее материи. Как, например, в том камне, из которого вырезана Большая Хозяйская Печать. Словно ядерная энергия в невзрачном куске урана. И все будет зависеть от того, кто и как применит этот зловещий кусок. Но пытаться остановить атомный взрыв руками... Нет, это просто немыслимо! Может, какой-нибудь великий маг и в силах это сотворить. Но в Волшебной Москве никто и никогда не видел настоящего мага. Здесь были только люди, которые в той или иной степени научились отдельным магическим приемам. Но, как известно, настоящим магом надо родиться. Говорят, именно маги запустили Игру, в которой и крутится сейчас бедная Москва. Но так ли это было в действительности?

Впрочем, последний вопрос не имел никакого смысла в

данном контексте. Разбойники могли оказаться выброшенными на улицу вместе со старыми пнями и корягами, у которых никто не будет интересоваться научными званиями и степенями. Университет просто последует судьбе многих и многих земель, уже захваченными рейдерами Черного Ризтера. А на землях, ставших после этого Черными, как известно, жить по-прежнему будет нельзя. Там можно только делать Власть и Деньги...

А оставить свою крепость – значит, сделать первый шаг к отступлению. За первым шагом неизменно следует следующий.

И отступление превращается в бегство.

– Какие еще предложения будут? – спросила Марина, оглядывая присутствующих.

Наступила пауза. Нарушил ее Богдан. Он как-то боком, словно опасаясь чего-то, посмотрел на Марину и неуверенно сказал:

– Э... Рискую навлечь на себя гнев, э-э... нашей милой и доброй, в общем-то, атаманши...

– Богдан, не томи! – угрожающе произнесла Марина.

– Ну, я что сказать хотел. У нас есть только одна сила, которую можно противопоставить всему этому беспределу. Раньше, хоть порой и бывало туго, я не решался говорить об этом – все-таки был уговор. Но теперь...

– Богдан!!!

Богдан исподлобья осмотрел товарищей, вздохнул и ска-

зал:

– Пора привлекать Магистра и создавать Правила...

Наступило неловкое молчание. Все сочувственно смотрели на Марину, некоторые – неловко, другие же с укоризной пялились на бестактного любителя.

Однако Марина восприняла эти слова на удивление спокойно. Она лишь кивнула и сказала:

– Да, я знаю, что этого не избежать. Мой сын, конечно, слишком мал, чтобы принимать такие решения, но у нас нет выбора. То, что я скажу сейчас, должно остаться между нами. Просто во избежание излишних разговоров среди своих же – все равно, от врага это не утаить. В общем, так: Архивариус передал мне через Волкопа: Тема... то есть, Магистр Правил скоро будет здесь. Он как раз в пути. Я не хотела говорить раньше времени, чтобы не сглазить...

– Тьфу, тьфу, тьфу, – истово сплюнули через левое плечо любители, после чего принялись усердно колотить по деревянным перилам. А Криста – еще и чертить в воздухе какие-то магические знаки.

– Но разве одних только Правил достаточно? – спросил осторожный Веник. – Нужны ведь и Игроки, которые будут им следовать. Да еще – какая гарантия, что они вообще примут нашу сторону?..

– Гарантия – это то, что Правила будем составлять мы! – отрезал Крюгер, и его татуировки вздулись на напрягшихся мышцах.

– Бывший Игрок номер три, то есть, Марина, потеряла статус, она – мать Магистра, Игрок номер пять – тоже, так как был заявлен, как собака, но потом превратился в человека...

Любители нервно хохотнули, переглянувшись: они не могли удержаться от эмоций, когда речь шла о Наставнике.

– Игрок номер два, Дэн, сгинул в Войске. Говорят, в штрафбате трубит за измену...

– Бедный... – жалобно протянула Криста и спрятала взгляд под низкой черной челкой.

– Игрок номер четыре – альтер эго Игрока номер один, он же – двойник Доминатора – развалился на молекулы, куда ему и дорога. Ну, а Игрок номер один...

Веник осекся, испуганно глядя на Марину. Любители уже давно делали ему большие глаза, но бестактности избежать не удалось.

– Да... – с какой-то нежной тоской произнесла она. – За все приходится платить...

Очередную затянувшуюся паузу коряво нарушил Богдан:

– Так, что, Игроков нам не видать?

– Насколько я знаю, Игроки появляются, когда Магистр придумывает Правила, – сказал Эрик. – Хотя бы частично...

Разговор нарушил знакомый уже стук в ворота.

– Ну, я сейчас им задам... – грозно пообещал Крюгер, подымая со ступенек массивную бейсбольную биту.

Ворота разъехались в сторону, и рука с битой, обмякнув,

опустилась: в створе ворот во всей своей парадной красе стоял Волкоп.

– У меня новости для потенциальных правонарушителей, – знаменитым, отлично поставленным басом сказал он. – В город вошло четыре Игрока. Это означает...

– Это значит, что Магистр начал придумывать Правила?.. – удивленно произнесла Криста.

– Это означает, – сказал Волкоп, – что Игра переходит на новый уровень...

До удивительного подземного золотого поезда они добились в каком-то полубессознательном состоянии, словно в трансе. Вокруг, в потерявшейся на годы, словно мифический Китеж-град, Москве, творилось что-то странное и совершенно сказочное. Правда, рассмотреть это через затемненные окна быстро несущейся машины почти не удалось.

Инспектор Горемыкин сопровождал Игроков до турникета на какой-то станции метро и, попрощавшись, отдал честь. Семен еще смог отметить краем сознания, что над эскалатором на все протяженности спуска то и дело вспыхивали яркие транспаранты, вроде «Привет, Игрокам, привет героям!», «Мы дождались!», «Игроки и гномы – братья навек!» и тому подобное, играла веселая музыка. Но когда к платформе подкатил поезд со сверкающей надписью на вагоне «Золотая стрела», хотелось только одного – спать.

Видимо, это подземное путешествие тоже было частью какого-то таинственного плана, разбираться в сущности которого уже не было сил. Тем более, что низкорослый бородастый проводник был услужлив и мил, а на мягких диванах купе уже было постелено, и отвороты одеял ласково манили в свои объятия.

Карину Ильиничну с внучкой поместили в одно купе. Семена же препроводили в соседний вагон, где ему досталось



отдельное и, как ему показалось, куда более богато обставленное – с зеркалами, коврами, кожаной обивкой, телевизором, дверью в душ (или это только почудилось?). . . У Семена оставалось еще немало вопросов, которые он хотел бы задать проводнику, но поезд уже набрал ход, и его мерное раскачивание подействовало на Семена, словно кувалда. Он отключился.

Когда он проснулся – было не совсем понятно. На его платиновых швейцарских часах, которые он оставил на столике, было около трех часов. Но чего именно – дня или ночи – понять было трудно, так как в хитросплетениях стрелок он еще не разобрался, а за окном по-прежнему мерно мелькали тусклые фонари тоннеля.

Что-то его насторожило. Какой-то посторонний, очень знакомый шум врывался в перестук колес. И шум этот в поезде был не очень уместен.

Семен прислушался. Точно! Это был звук включенного душа! Там, за зеркальной дверью кто-то плескался под тугими водяными струями.

Пришло время насторожиться. Однако Семен, почему-то улыбнулся. Он уже заметил в себе удивительные перемены – все эти новые странные привычки и вкусы, новая одежда, иной стиль. Другой уровень жизни что ли. . . Да, ко всему этому требовалось какое-то дополнение. И, по всей видимости, оно было там, в душе.

Зеркальная дверь тихо отворилась, и в просторном купе

появилось новое лицо.

Девушка.

Сердце Семена забилося быстрее. О, это вам не Карина Ильинична, не к ночи та будет помянута! Это был, что называется, штучный образец. Прямо со страниц каталога, где такую девушку можно увидеть в одном ряду с новой моделью «Мерседеса» или виллы на Лазурном Берегу.

Была она в одном лишь искусно обвитом вокруг тела белом полотенце. И, надо сказать, великолепное тело было представлено очень умело. Все в ней было первоклассное – даже кожа была лучшей, отменнейшей выделки... Что? Он так и подумал – «выделки»? Словно о салоне «бентли». Хотя... Хотя он не так уж далек от истины. Такие девушки прилагаются только к вещам такого уровня, как все тот же «бентли». А еще лучше – к «феррари» или совсем несовместимому с простым смертным «мак-ларену». Впрочем, он уверен, что теперь выбирать будет он...

– О чем задумался? – глубоким вкрадчивым голосом поинтересовалась девушка и подсела на край дивана, чуть коснувшись бедром ноги Семена.

У того все несколько поплыло перед глазами. Самой роскошной женщиной, с которой бывшему леснику довелось получить взаимность, была рябая доярка Галя из села Пирогово, что неподалеку от Мытищ. Правда, это было еще до Локализации...

– Я? – пробормотал он.

– А здесь есть еще кто-то? – промурлыкала девушка, запуская тонкие пальцы в его волосы.

Тысячи мурашек монгольскими ордами проскакали по всему телу. Такого Семен не испытывал еще никогда...

– А... Задумался? Да, так, ни о чем. Просто не разобрался я, что со мной происходит. У-у...

Девушка тихо рассмеялась и откинула назад спавшие на глаза волосы. Даже жесты у нее были особенные – отработанные, поставленные, как у хороших актрис.

– Ну, а как ты думал Игрок номер восемь? Тыходишь в Игру, и твое настоящее «я» берет верх. Что ни говори, а оно у тебя довольно завидное. Особенно для тех несчастливцев, кто стал гномом или еще каким чудищем-юдищем...

Она снова засмеялась, а к Семену начали возвращаться смутные обрывки воспоминаний. Вот он, с ружьем, уставший идет по лесу. Вот он наедине с бутылкой. Вот он просыпается, вот он засыпает в затхлой несвежей постели. Как-то совершенно чужая жизнь. Но там, в этой убогой жизни, он оставил что-то неосязаемое, то, чего сейчас ему стало вдруг ужасно жалко... Только вот что?..

– Тебе повезло, – продолжала девушка. – У тебя большие возможности. Власть и деньги – это то, с чем твоя новая личина будет прекрасно гармонировать. Так что для тебя теперь возможен лишь один путь – в Черные Земли. Туда, где знают толк в богатстве и престиже...

– Кто ты? – тихо спросил Семен, беря девушку за руку.

Рука оказалась нежной, податливой. Ласковые пальцы обвили его кисть, и лицо девушки приблизилось к Семену.

– Я – бонус, – улыбнулась она. – То, что полагается Игроку, принявшему нашу сторону...

Ее губы почти касались его губ, и у него почти не оставалось сил, чтобы спросить:

– Чью... сторону?

– Сторону тех, кто всегда берет то, что ему понравится. Где лишь твое собственное желание – закон, а сам ты – хозяин этого мира, который лежит у твоих ног...

Слова слетали с ее губ, как прекрасные мотыльки. Но плоть решила, что хватит слов. Его желание – закон, он здесь – хозяин. И он возьмет то, что принадлежит ему...

...Он открыл глаза.

Что-то происходило. Не сразу до него дошло, что на самом деле не происходило ничего особенного. Просто поезд прекратил движение.

– Молодой человек! Поезд не будет ждать! Ваша станция, прошу на выход с вещами.

Семен с трудом сел на своем диване и недовольно взглянул на строгого проводника.

– Я не просил меня будить, – желчно сказал он.

– Па-апрошу на выход, Игрок! – повысил голос проводник. – Это ваша станция, дальше вам ехать нельзя.

– Я сам решу, куда мне ехать и когда выходить, – надменно сказал Семен, надевая на руку новенькие швейцарские

часы. — Я хозяин...

В это мгновение раздался свирепый рев, и Семену показалось, будто кто-то огромный схватил его за шкуру, стащил на пол и быстро поволок по вагонному коридору. Семен лишь успел слышать насмешливо брошенное вдогонку проводником:

— Не стоит злить Станционного смотрителя. Хозяин здесь он...

Семен кубарем полетел на жесткий камень перрона, а сверху на него ворохом обрушились дорогие брюки, пиджак и рубашка. Начищенный до блеска ботинок некоторое время весело прыгал время по мрамору, а потом наступила тишина.

— Хозяин он, понимаешь... — усмехнулся проводник, степенно идя по вагонному коридору. Поезд набирал обороты, а проводник переходил в соседний вагон. Отодвинув вбок дверь первого купе, он вошел.

Крепким молодым сном спала Карина Ильинична, беспокойно вздрагивала во сне маленькая Света. Она лежала, свернувшись калачиком на краю нижней полки, тихо посапывая во сне, и проводник посмотрел на нее с отцовской нежностью и некоторой жалостью.

— Ну, ничего не поделаешь, — пробормотал он и взял девочку на руки, и кукла Барби, ойкнув, упала на одеяло. — Игра есть Игра. И вам, маленькая игрунья, пора выходить.

Скоро ваша станция...

Карина Ильинична проснулась мгновенно. И разом приняла сидячее положение. Она чувала что-то неладное.

Это было наследственное – дар смутного предвидения, умение толковать сны, гадать самыми разными способами и довольно успешно, тяга к собиранию трав и изготовлению целебных отваров. Карина Ильинична всегда знала, что она – непростая женщина, а потому своему чутью привыкла доверять.

– Здравствуй, Карина, – сказал незнакомый голос с неприятной хрипотцой.

Она не сразу сумела разглядеть в полумраке купе черный балахон, скрывающий незнакомого человека. Тот сидел на противоположной полке, и руками в черных же перчатках неспешно тасовал колоду карт «таро».

– Что это еще за фамильярности? Что вам нужно? – не очень приветливо поинтересовалась Карина Ильинична и вдруг заметила отсутствие внучки. – Света, ты где?!

– Не беспокойся, Карина, все с ней хорошо, – заверил незнакомец, чем вызвал еще большее беспокойство Карины Ильиничны. – Давай лучше поговорим о тебе...

– С какой это стати? – поинтересовалась Карина Ильинична, которая вдруг неожиданным успокоилась, странным образом, поняв: со Светой все действительно в порядке.

И еще она почувствовала ранее незнакомое отстранен-

ное равнодушие по отношению к судьбе собственной внучки. Она несколько удивилась и направила вопросительный взгляд на человека в черном.

– Что ж, Карина, тебя можно поздравить! – сказал незнакомец.

– Спасибо, конечно, но с чем именно? – надменно поинтересовалась женщина. – Сегодня все что-то повадились меня чествовать...

– Ну, а как иначе? – усмехнулся человек. – Стать Игроком – довольно почетное дело. Ну, а раскрыть в полной мере свои способности – это вообще дорогого стоит. И уж тем более – столь удачно стать тем, кем так давно хотелось быть. На подсознательном уровне, конечно...

– Что-то я вас не понимаю...

– Ты ведьма, Карина.

Карина Ильинична внутренне напряглась, прислушиваясь к своим ощущениям: не испытывает ли она желания ответить оплеуху этому хаму, который, к тому же, возымел мерзкую привычку беспардонно «тыкать»? Но слово «ведьма» потеряло вдруг специфический ругательный оттенок и обрело новое содержание.

– То есть? – осторожно спросила она.

– Взгляни в зеркало, – предложил человек в балахоне.

Карину Ильиничну внезапно охватил ужас. Она представила, как в большом зеркале, что вмонтировано в купейную дверь, отразится сейчас полуразложившаяся старуха с ред-

кими седыми волосами... Она пересилила себя и заставила глаза принять от зеркала правду.

Из зазеркалья нее смотрела совсем молодая и чертовски красивая женщина. Карина Ильинична с трудом узнала в ней себя. Нет, это была не она в юности. Эта особа, которую показывало ей ехидное зеркало, была значительно усовершенствованной версией молодой Карины.



# Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.